

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

Innovative Economy

№ 3 (40), 2024

**Электронный научный журнал
Инновационная экономика / Innovative Economy**

№ 3 (40), 2024 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются ведущими учеными.

В журнале рассматриваются результаты научных исследований в области экономических наук.

Авторами статей являются ведущие специалисты современного научного знания, научно-педагогические работники, аспиранты, докторанты.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков, студентов, аспирантов и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор — **Мосейкин Юрий Никитович**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Национальной экономики Экономического факультета, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы.

Заместитель главного редактора — **Соловьёва Юлиана Владимировна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы.

Учредитель и издатель: **Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (РУДН)**, г.Москва.

Журнал издается с 2014 года.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: Эл № ФС77-87907 от 22 июля 2024 г. (СМИ — «сетевое издание»).

Журнал входит в базу РИНЦ (Лицензионный договор от 12 февраля 2015 г.). Зарегистрирован в международной базе цитирования Academic Resource Index ResearchBib

Периодичность: 4 раза в год.

Выпуски журнала размещаются на сайте in-econ.ru

E-mail редакции: in-econ@rudn.ru

Редакция

- Мосейкин Юрий Никитович** – д.э.н., профессор, *главный редактор (г.Москва, Россия)*
- Соловьёва Юлиана Владимировна** – к.э.н., доцент, *заместитель главного редактора (г.Москва, Россия)*
- Корневская Анна Вадимовна** – к.э.н., доцент, *ответственный секретарь (г.Москва, Россия)*
- Антонио Санчес (Antonio Sanchez)** - PhD, профессор, *член Редакционного совета (Валенсия, Испания).*
- Афанасьев Валентин Яковлевич** - д.э.н., профессор, *член Редакционного совета (г.Москва, Россия)*
- Балашова Светлана Алексеевна** – к.ф.-м.н., доцент, *член Редакционной коллегии (г.Москва, Россия)*
- Давыдов Владимир Михайлович** - д.э.н., профессор, *член-корреспондент РАН, член Редакционного совета (г.Москва, Россия)*
- Дегтерева Екатерина Андреевна** – д.э.н., профессор, *член Редакционной коллегии (г.Москва, Россия)*
- Есболова Айнура Ергазиевна (Ainur Yesbolova)** - PhD, доцент, *член Редакционного совета (Шымкент, Казахстан)*
- Ефремов Виктор Степанович** – д.э.н., профессор, *член Редакционной коллегии (г.Москва, Россия)*
- Зобов Александр Михайлович** – к.э.н., доцент, *член Редакционной коллегии (г.Москва, Россия)*
- И Цимин** - д.э.н., профессор, *член Редакционного совета (Пекин, Китай)*
- Иванова Наталья Ивановна** - Академик РАН, д.э.н., профессор, *член Редакционного совета (г.Москва, Россия)*
- Карзанова Ирина Викторовна** – к.э.н., доцент, *член Редакционной коллегии (г.Москва, Россия)*
- Кириченко Татьяна Витальевна** - д.э.н., профессор, *член Редакционного совета (г.Москва, Россия)*
- Комзолов Алексей Алексеевич** - д.э.н., профессор, *член Редакционного совета (г.Москва, Россия)*
- Костадинов Антон** - PhD, *член Редакционного совета (София, Болгария).*
- Крейдено Татьяна Федоровна** – к.г.н., доцент, *член Редакционной коллегии (г.Москва, Россия)*
- Ломаченко Татьяна Ивановна** - д.э.н., профессор, *член Редакционного совета (г.Москва, Россия)*
- Миронова Марина Николаевна** - к.э.н., доцент, *член Редакционной коллегии (г.Москва, Россия)*
- Нежникова Екатерина Владимировна** – д.э.н., профессор, *член Редакционного совета (г.Москва, Россия)*
- Оганесян Ани Ашотовна** – к.э.н., PhD, доцент, *член Редакционной коллегии (г.Москва, Россия)*
- Оксана Полевая-Долтон (Oksana Polevaya-Dolton)** - PhD, к.э.н., *член Редакционного совета (Портсмут, Великобритания).*
- Сухарева Евгения Викторовна** - д.э.н., доцент, *член Редакционного совета (г.Москва, Россия)*
- Сюй Полин (Xu Poling)** - д.э.н., профессор, *член Редакционного совета (Пекин, Китай)*
- Черняев Максим Васильевич** – к.э.н., PhD, доцент, *председатель Редакционного совета (г.Москва, Россия)*
- Шаркова Антонина Васильевна** - д.э.н., профессор, *член Редакционного совета (г.Москва, Россия)*
- Шаяхметова Кульшария Оракбаевна** - д.э.н., профессор, *член Редакционного совета (Нур-Султан, Казахстан).*
- Шкваря Людмила Васильевна** - д.э.н., профессор, *член Редакционной коллегии (г.Москва, Россия)*

Содержание

Сани А.С., Лукман Х, Тетуко Р.П., Путра П. Влияние бизнес-циклов на экономический рост в странах Северной Африки: динамика групповых показателей	4
Агабабаева Н.М., Лебедева Т.Э., Левченко К.Р., Капустина Л.М. Тенденции развития мирового рынка хлопка	31
Блинов А.И., Секачева А.Б. Новая валютная система в рамках БРИКС: суть, цели и перспективы	52
Неведомская А.О., Яхонтова П.И., Массарова А.Р. Особенности взаимной торговли России и стран Африки, 2012-2022 гг.	65
Стрижова М.Е., Стрижова И.В. Индийский опыт развития экономики	83
Наши авторы	101

Contents

Sani A.S, Lukman H., Tetuko R.P., Putra P. The impact of business cycles on economic growth in North African countries: dynamic panel data	4
Agababayeva N.M., Lebedeva T.E., Levchenko K.R., Kapustina L.M. Trends in the development of the global cotton market	31
Blinov A.I, Sekacheva A.B. The new monetary system within the framework of the BRICS: the essence, goals and prospects	52
Nevedomskaya A.O., Yakhontova P.I., Massarova A.R. Features of mutual trade between Russia and African countries, 2012-2022	65
Strizhova M.E., Strizhova I.V. Indian's experience of the economy development	83
Our authors	101

ИННОВАЦИОННЫЕ ПУТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

The impact of business cycles on economic growth in North African countries: dynamic panel data

Sani Abdullahi Sule,
Saadatu Rimi University of Education,
11KM Zaria Road, Kano, Nigeria;
Universitas Sebelas Maret UNS
Lukman Hakim,
Tetuko Rawidyo Putro,
Putra Pamungkas,
Universitas Sebelas Maret UNS,
57126, Jalan Ir. Sutami 36 Kentingan,
Jebres, Surakarta, Jawa Tengah, Indonesia

This study examines how business cycles impact economic growth in African countries using dynamic panel data analysis with the Generalized Method of Moments (GMM). The research utilizes comprehensive World Bank data spanning from 1990 to 2022, focusing on key economic factors such as inflation, foreign direct investment (FDI), exchange rates, and the far-reaching effects of the COVID-19 pandemic. The analysis reveals that both business cycles and economic growth have a positive influence on GDP per capita, though the impacts differ significantly across various regions of Africa. Inflation and COVID-19 emerge as significant variables contributing to economic fluctuations, emphasizing their disruptive effects on long-term growth patterns. Additionally, the study highlights how regional disparities and external shocks, including pandemics, have distinct consequences for economic resilience. The findings provide crucial insights for policymakers aiming to stabilize economies during periods of heightened volatility and uncertainty, promoting sustainable growth in the process. By deepening the understanding of how business cycles and economic growth are interconnected, governments across Africa can implement more effective strategies to mitigate the adverse effects of economic downturns while capitalizing on opportunities for growth. Ultimately, this research underlines the importance of considering external shocks in developing long-term economic policies.

Keywords: business cycles, economic growth, dynamic panel data, Africa.

JEL codes: O490, O550, E300.

Влияние бизнес-циклов на экономический рост в странах Северной Африки: динамика групповых данных

Сани Абдуллахи Суле,
Университет образования Саадату-Рими,
11км Зария Роуд, Кано, Нигерия;
Университет Себелас Марет УНС
Лукман Хахим,
Тетуко Равидио Путро,
Путра Памунгкас,
Университет Себелас Марет УНС,
57126, Джалан Ир. Сутами 36 Кентинган,
Джебрес, г. Суракарта, Джава Тенга, Индонезия

В исследовании рассматривается влияние бизнес-циклов на экономический рост в африканских странах на основе анализа динамики групповых данных с использованием обобщенного метода моментов (GMM). В работе применяются данные Всемирного банка, охватывающие период с 1990 по 2022 г., акцентируясь на ключевых экономических факторах, таких как инфляция, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), обменные курсы и долговременные последствия пандемии COVID-19. Анализ показывает, что как бизнес-циклы, так и экономический рост оказывают положительное влияние на ВВП на душу населения, хотя последствия значительно различаются в различных регионах Африки. Инфляция и COVID-19 становятся значимыми переменными, способствующими экономическим колебаниям, подчеркивая их разрушительное влияние на долгосрочные модели роста. Кроме того, в исследовании подчеркивается, что региональные различия и внешние шоки, включая пандемии, имеют определенные последствия для экономической устойчивости. Полученные результаты дают важные выводы для политиков, стремящихся стабилизировать экономику в периоды повышенной волатильности и неопределенности, способствуя устойчивому росту в этом процессе. Углубляя понимание того, как бизнес-циклы и экономический рост взаимосвязаны, правительства по всей Африке могут осуществлять более эффективные стратегии для смягчения негативных последствий экономических спадов, используя при этом возможности для роста. Как результат, исследование подчеркивает важность учета внешних потрясений при разработке долгосрочной экономической политики.

Ключевые слова: бизнес-циклы, экономический рост, динамика групповых данных, Африка.

Introduction

The business cycle, characterized by fluctuations in economic activity, plays a significant role in economic growth and development [29, p. 45]. Understanding this relationship is particularly relevant for African countries, which face diverse economic conditions and are susceptible to external shocks, such as the COVID-19 pandemic [24]. This study seeks to explore how business cycles impact economic growth across African nations using a dynamic panel data approach, specifically the Generalized Method of Moments (GMM). The GMM methodology allows for capturing the complex interplay of economic factors over time while controlling for reverse causality and omitted variable biases, providing a more accurate analysis of these relationships [8].

This research contributes to the literature by examining the influence of real shocks, especially technological innovations, on economic fluctuations in Africa. Insights from this study may inform policies aimed at enhancing economic resilience and promoting collaborative growth across the continent [20].

The *main objective of this study* is to analyze the relationship between business cycles and economic growth in African countries. The study examines how various phases of the business cycle correlate with growth and identifies key drivers, such as inflation and foreign direct investment (FDI), that impact economic performance. Additionally, it considers the influence of external shocks, particularly the COVID-19 pandemic, on economic fluctuations in the region.

Literature Review

Research underscores the existence of a global business cycle, with regional and developmental group cycles also playing an influential role [12]. Political strategies are highlighted as crucial in creating environments conducive to business model innovation, emphasizing the balance between sector-specific and broad economic policies [35]. Globalization has further intensified economic interdependence, increasing the likelihood of recessionary phase transmission as countries synchronize with the global economy [15].

In Africa, research points to a nuanced relationship between economic growth, unemployment, and poverty. Studies in South Africa reveal that while growth can reduce poverty in the long run, unemployment tends to exacerbate it [31]. The COVID-19 pandemic has also had profound impacts on corporate solvency and poverty, introducing unique challenges related to the scope and scale of economic adjustments [7].

Interest rates significantly influence economic fluctuations in Nigeria, exhibiting countercyclical behavior in comparison to trends seen in other emerging and developed economies [10]. Studies also highlight the constraints that limited financial deepening imposes on monetary policy effectiveness in sub-Saharan Africa, advocating for policies that promote financial infrastructure development [32].

FDI and trade openness are recognized as contributors to long-term growth in various economies, although these benefits can be disrupted during financial crises [21]. Additionally, the relationship between oil prices, terms of trade, and economic cycles reveals that political and economic policies in African countries interact with global market trends in complex ways [6].

Monetary policy transmission mechanisms remain under-researched in Africa, with questions remaining about their efficacy in influencing key economic variables [23]. The role of external shocks on African economies, including the 2008 global financial crisis, the 2013 commodity price collapse, the COVID-19 pandemic, and the ongoing war in Ukraine, has highlighted the vulnerability of the continent to global economic conditions [22]. Despite resilience in some African nations, the uneven recovery from these shocks underscores the need for robust economic policies tailored to the African context.

A historical perspective on African economies reveals that sub-Saharan Africa has faced persistent economic challenges, often limited by episodes of negative growth despite improvements in GDP per capita [13]. Studies suggest that countries with aging populations tend to experience lower consumption and investment volatility, although output volatility may increase due to shifts in labor market dynamics [17].

In terms of macroeconomic policy, evidence suggests that supply-side models better explain economic changes in developing countries, contrasting with the approaches used in industrialized nations [33]. Moreover, the COVID-19 pandemic's impact on agricultural production and food insecurity in Africa has exacerbated vulnerabilities within the sector, particularly for poorer populations [9].

GDP is commonly used as an indicator of economic health, reflecting the value of goods and services produced within a country [38]. It includes components like government consumption, investment, and net exports, all of which contribute to overall economic growth.

Exchange rates can influence GDP growth by affecting export competitiveness and economic stability. Studies indicate that in Nigeria, exchange rate volatility negatively impacts growth, underscoring the need for policies to stabilize currency fluctuations [10].

FDI plays a vital role in economic growth by supporting capital accumulation and technological advancement. However, its impact varies by country; in Nigeria and Morocco, factors like trade balance and the real exchange rate affect FDI's ability to drive growth [28].

Inflation has a nuanced relationship with growth. While moderate inflation can stimulate growth, high inflation generally hinders it. Studies suggest that inflation thresholds like 4% in South Africa can signal when inflation transitions from being growth-promoting to growth-reducing [14].

International reserves provide a buffer against external shocks, promoting exchange rate stability and supporting economic resilience. Research highlights the positive role of reserves in maintaining stability in countries like Algeria and Kenya [30].

Labor Force A skilled and growing labor force contributes to productivity and economic expansion. The composition and educational levels within the labor force are critical factors in South Africa and Nigeria's economic growth [34].

The COVID-19 pandemic disrupted African economies, affecting healthcare, food security, and overall economic resilience. Research stresses the importance of

considering socio-economic factors like population density and healthcare infrastructure when analyzing the pandemic's impact [1].

The Ground Theory of Real Business cycle

The Real Business Cycle (RBC) theory, pioneered by Kydland and Prescott in 1982, posits that economic fluctuations are primarily driven by real shocks, especially technological changes that impact productivity. This theory assumes that individuals and firms respond rationally to these shocks, making optimal decisions to maximize utility, even during economic downturns. RBC theory downplays the role of monetary factors, instead focusing on productivity growth as the principal driver of business cycles. The model typically excludes the government and external sectors, emphasizing the behaviors of households and firms as fundamental to understanding economic fluctuations [19, 25, 26]. Let's consider an economy with numerous identical firms and households, where firms accept prices as given. Production relies on two inputs: capital (K) and labor (L). Technology is considered exogenous and represented by A_t for each time period 't'. Additionally, let's assume the production function follows the Cobb-Douglas form.

Thus, output in period t is

$$Y_t = A_t F(K_t + L_t) = K_t^\alpha (A_t L_t)^{1-\alpha} \quad (2.1)$$

Where $0 < \alpha < 1$

It is recognized that the total output is allocated among consumption (C), investment (I), and government purchases (G). If δ represents the depreciation rate of capital in each period, the capital stock in period $(t + 1)$ can be expressed as:

$$K_{t+1} = K_t + I_t - \delta K_t = K_t + Y_t - C_t - G_t - \delta K_t \quad (2.2)$$

(since $C_t + I_t + G_t = Y_t$; we have $I_t = Y_t - C_t - G_t$)

Let's assume that labor and capital receive payments equivalent to their marginal products. Consequently, the real wage and the real interest rate in period 't' can be described as:

$$W_t = (1 - \alpha)A_t K_t^\alpha (A_t L_t)^{-\alpha} = (1 - \alpha)A_t (K_t/A_t L_t)^{-\alpha} \quad (2.3)$$

and

$$r_t = \alpha(A_t L_t / K_t)^{-\alpha} \quad (2.4)$$

(we can derive equation (2.3) and equation (2.4) from equation (2.1) by taking partial derivatives with respect to L and K respectively)

The representative household maximizes the expected value of the utility function. In the context of a hypothetical economy, a typical household aims to optimize its well-being by maximizing the utility function provided below:

$$U = \sum_{t=0}^{\infty} e^{-\rho t} u(C_t, 1 - l_t)^{\frac{N_t}{H}} \quad (2.5)$$

The discount rate, denoted by ρ , reflects the preference for present utility over future utility. In this context, where $u(\bullet)$ represents the instantaneous utility function, N subscript t refers to the population, and H represents the number of households, the average household size can be calculated as N_t divided by H . Additionally, if the population experiences an exogenous growth rate of n , this implies that the population is increasing at a fixed rate over time.

$$\ln N_t = \bar{N} + nt, \quad (2.6)$$

Where $n < \rho$

Thus, the level of N_t is given by $N_t = e^{\bar{N} + nt}$

In equation (2.5), the utility function $u(\bullet)$ consists of two components: (i) the consumption per household member (C_t), and (ii) the leisure per household member (L_t). Leisure is defined as the disparity between the time allocated per member

(normalized to 1 for convenience) and the individual's work hours. Given the homogeneity of all households, the total consumption C is divided equally among the population N , yielding $c = C/N$ and $l = L/N$

Before delving into other aspects, let's address the assumption regarding technology shocks. In order to account for trend growth, we adopt a specific functional form for technology, which is as follows:

$$\ln A_t = \bar{A} + gt \tag{2.7}$$

The specified technology in the previous form does not incorporate random fluctuations. To integrate random disturbances into technology, we propose the following modified functional form:

$$\ln A_t = \bar{A} + gt + \widetilde{A}_t \tag{2.8}$$

Where \bar{A} is the random disturbances. The term \widetilde{A}_t follows first-order autoregressive process. That is:

$$\widetilde{A}_t = \rho_A \widetilde{A}_{t-1} + \varepsilon_{A,t} \quad -1 < \rho_A < 1 \tag{2.9}$$

In this framework, $\varepsilon_{A,t}$ represents a stochastic error term (white noise). It means that $\varepsilon_{A,t}$ has zero mean and no correlation with other variables in the equation. Equation (2.9) illustrates that the random component \widetilde{A}_t comprises a portion ρ_A of the preceding period's value and a white noise error. Consequently, the impact of a technological shock diminishes gradually over time.

Government purchases follow a trend component with white noise, allowing for significant variations over time, potentially growing or shrinking relative to the overall economy.

$$\ln G_t = \bar{G} + (n + g)t + \widetilde{G}_t, \quad -1 < \rho_A < 1, \quad (2.10)$$

$$\widetilde{G}_t = \rho_G \overline{\widetilde{G}_{t-1}} + \varepsilon_{G,t}, \quad -1 < \rho_A < 1, \quad (2.11)$$

Where the $\varepsilon_{G,t}$ is white noise. This completes the description of the RBC model.

Inter-Temporal Substitution in Labor Supply

As highlighted in the preceding section, significant distinctions between the Real Business Cycle (RBC) model and the Ramsey model encompass: (i) the incorporation of leisure within the utility function, and (ii) the incorporation of stochastic elements in technology and government expenditures, serving as the origins of macroeconomic aggregate fluctuations.

Let's narrow our attention to integrating leisure into the utility function. For simplicity, let's consider a scenario where the household exists for only one period and comprises a single member with no initial wealth. In this case, the household's objective function becomes $\ln(c) + b \ln(1 - l)$, while its budget constraint remains $c = wl$, where c denotes consumption, l represents leisure, and w stands for the wage rate. Thus, the Lagrangian maximization problem can be expressed as:

$$\zeta = \ln c + b \ln(1 - l) + \lambda(wl - c) \quad (2.12)$$

The first- order conditions for c and l are as follows:

$$\frac{1}{c} - \lambda = 0, \quad (2.13)$$

$$-\frac{b}{1-l} + \lambda w = 0, \quad (2.14)$$

From equations (2.13), we find that $\lambda = \frac{1}{c} = \frac{1}{wl}$ (since $c = wl$ as per the budget constraint).

Now, substituting the value of λ in equation (2.14), we obtain:

$$-\frac{b}{1-l} + \frac{1}{wl} w = 0$$

That is,

$$-\frac{b}{1-l} + \frac{1}{l} = 0 \tag{2.15}$$

In the scenario described, the labor supply determined by equation (2.15) remains unaffected by changes in the wage rate, as the wage rate is not explicitly included in the equation. The logarithmic utility in consumption and lack of initial wealth means that any income effect from wage changes is offset by the substitution effect, leading to a static outcome. Extending the household's lifespan to two periods allows wage rate changes to impact labor supply, assuming no uncertainty in future interest or wage rates.

The household's lifetime budget constraint is now:

$$c_1 + \frac{1}{1+r}c_2 = w_1l_1 = \frac{1}{1+r}w_2l_2 \tag{2.16}$$

Where r is the real interest rate. The lagrangian maximization problem is:

$$\zeta = lnc_1 + bln(1-l_1) + e^{-\rho}[lnc_2 + bln(1-l_2)] + \lambda \left[w_1l_1 + \frac{1}{1+r}w_2l_2 - c_1 - \frac{1}{1+r}c_2 \right] \tag{2.17}$$

In equation (2.17), the household's decision variables consist of consumption in period 1 (c_1), consumption in period 2 (c_2), leisure in period 1 (l_1), and leisure in period 2 (l_2). Our objective is to demonstrate how the relative labor supply responds to changes in the relative wage between the two periods. Therefore, we must derive the first-order conditions for l_1 and l_2 from equation (2.17). These conditions can be expressed as follows:

$$\frac{b}{1-l_1} = \lambda w_1 \tag{2.18}$$

$$\frac{e^{-\rho} b}{1 - l_2} = \frac{1}{1 + r} \lambda w_2 \tag{2.19}$$

In order to simplify the above two equations, we divide both sides of (2.18) by w_1 and both sides of (2.19) by $w_2/(1+r)$. Thus, we obtain:

$$\frac{b}{1 - l_1} \frac{1}{w_1} = \lambda \text{ and } \frac{e^{-\rho} b}{1 - l_2} \frac{1 + r}{w_2} = \lambda \tag{2.20}$$

Now, $\frac{e^{-\rho} b}{1 - l_2} \frac{1 + r}{w_2} = \frac{b}{1 - l_1} \frac{1}{w_1}$

The relative labor supply in the two periods is:

$$\frac{1 - l_1}{1 - l_2} = \frac{b}{e^{-\rho} b (1 - r)} \frac{w_2}{w_1} = \frac{1}{e^{-\rho(1-r)}} \frac{w_2}{w_1} \tag{2.21}$$

In the case of a two-period scenario, the wage rate becomes a factor in the labor supply function. Equation (2.21) establishes a relationship between the relative labor supply and the relative wage. It's important to note that $(1 - l_1)$ denotes the portion of leisure released by the household in the first period. If the wage rate in the first period (w_1) increases compared to the second period (w_2), then l_1 must increase or $(1 - l_1)$ must decrease to satisfy equation (2.21). This implies that when the wage rate rises in the first period relative to the second period, labor supply must increase in the first period relative to the second period, or leisure must decrease in the first period relative to the second period.

The elasticity of substitution between leisure in the two time periods is 1, owing to its logarithmic functional form. Now, considering a rise in the interest rate (r) in equation (2.21), it signifies an increase in labor supply in the first period relative to the second period. An increase in the interest rate in the first period heightens the incentive to work more (thus, earn more and save more) in the first period compared to the second period. This observation underscores the significance of the interest rate's impact on fluctuations in employment within an economy. The effects of relative wage

and interest rate on labor supply (or employment or leisure) are recognized as intertemporal substitution in labor supply.

Let's consider the impact of productivity shocks, also known as technology shocks, within our RBC model, as discussed previously. Assume there exists an exogenous and temporary favorable shock to technology in a particular time period (t). This is represented in our model by an increase in the A_t term, as described in equation (2.1). Let's denote the initial level of technology as A_{0t} , which rises to A_{1t} due to the shock. This increase in technology will lead to a rise in income Y_t at given levels of capital K_t and labor L_t .

Initially, at the technology level A_{0t} , the corresponding production function is given $K_t^\alpha (A_{0t} L_t)^{1-\alpha}$. Let's assume that L_0 represents the optimal amount of labor at this technology level, and the equilibrium output is Y_0 . The beneficial productivity shock shifts the production function upward to $K_t^\alpha (A_{1t} L_t)^{1-\alpha}$. Additionally, the shock is assumed to make the production function steeper for any level of labor input. In microeconomics, the slope of the production function represents the marginal product of labor. Therefore, the positive technology shock also increases marginal productivity. Consequently, at the same level of labor input (L_0), we observe higher output Y_1' due to the increased productivity. This indicates that the favorable shock alters the production possibilities as well. If we increase the labor input to L_1 , the corresponding higher output is Y_1 due to the increased productivity.

A technology shock increases output, which can be distributed between consumption and savings. In cases of temporary shocks, it may be beneficial to save part of the increased output for future consumption. According to Equation (2.2), higher savings lead to increased investment, which subsequently raises the capital stock in future periods. In contrast, a permanent shock leads to sustained higher output, reducing the incentive to save and increasing consumption, with a more moderate rise in labor input. Although technology shocks yield persistent effects on output, capital, and employment, Keynesian economists critique the Real Business Cycle (RBC) model for not fully explaining this persistence. However, RBC proponents argue that

the dynamic responses of optimizing agents to changing economic conditions account for extended periods of high or low economic activity.

$$Y_t = A_t F(K_t, N_t, FDI_t, ER_t, IMP_t, EXP_t, INTR_t) \quad (2.22)$$

Where K_t represents capital at time t , N_t represents labour force at time t , FDI_t represents foreign direct investment at time t , ER_t represents exchange rate at time t , IMP_t represents imports at time t , EXP_t represents exports at time t , and RES_t represents international reserves at time t ,

In the given equation, A_t represents a stochastic productivity shock factor, which accounts for fluctuations in total output that cannot be attributed to the inputs utilized in the production process. On the other hand, X_t signifies the deterministic component of productivity, which experiences steady expansion at a constant rate over time.

$$X_{t-1} = \gamma X_t, \gamma > 1 \quad (2.23)$$

The capital stock K_t undergoes changes over time and experiences depreciation at a constant rate represented by δ . This depreciation rate signifies the portion of capital that diminishes over time due to wear and tear or obsolescence. It essentially reflects the definition of investment, as it accounts for the need to replace the depreciated capital to maintain or expand the productive capacity of the economy:

$$K_{t+1} = I_t(1 - \delta)K_t \quad (2.24)$$

The resource constraints ensure that the total output (GDP) is allocated between consumption (C) and investment (I). This means that the total output produced in the economy can be utilized for either consumption (C_t) or investment (I_t) purposes. Therefore, the following resource constraint on the economy is expressed as:

$$Y_t = C_t + I_t \quad (2.25)$$

To achieve the desired steady-state transformation of the economy, it becomes necessary to introduce an assumption into the utility function. This assumption aims to ensure that the utility function aligns with the conditions required for stability. The utility function is then structured according to the formulation proposed by [30].

$$u(C_t, L_t) = \frac{1}{1 - \sigma} C_t^{1-\sigma} V(L_t) \tag{2.26}$$

The provided equation accounts for both the income and substitutability effects resulting from changes in wages due to shifts in supply. This adjustment facilitates the economic transformation by ensuring that all variables are measured in efficiency units, achieved through scaling them with the initial level of the deterministic component. Consequently, the transformed utility function is expressed accordingly:

$$\sum_{i=0}^{\infty} (\beta^*)^i u(C_t, L_t) \tag{2.27}$$

The modified discount factor, $\beta^* = b\gamma^{1-\sigma}$ is introduced to ensure compliance with the condition $0 < \beta < 1$. Subsequently, the transformed utility function is optimized while adhering to the given resource constraints.

$$\text{Labor: } N_t = 1 - L_t \tag{2.28}$$

$$\text{The production function: } Y_t = A_t F(K_t N_t) \tag{2.29}$$

$$\text{The Resource constraint: } Y_t = C_t + I_t \tag{2.30}$$

$$\text{The law of Motion of capital: } \gamma K_{t-1} = I_t (1 - \delta) K_t \tag{2.31}$$

To derive the optimal paths for consumption, C_t , leisure, L_t , labor, and K_t , capital stock the transformed utility function is constrained accordingly. This process involves employing the Lagrangian multiplier approach to incorporate the relevant constraints.

$$L \sum_{t=0}^{\infty} (\beta^*)^t U(C_t, L_t) + \sum_{t=0}^{\infty} (\beta^*)^t \lambda_t (A_t F(K_t, N_t) + (1 - \delta)K_t - C_t - \gamma K_{t+1}) + \sum_{t=0}^{\infty} \beta^t \omega_t (1 - L_t - N_t) \quad (2.32)$$

First-Order Conditions: Derive first-order conditions that represent the optimal decisions of economic agents, taking into account the utility maximization and resource constraints.

$$C_t: D_1 U(C_t, L_t) = \lambda_t$$

$$L_t: D_2 U(C_t, L_t) = \omega_t$$

$$N_t: \lambda_t A_t D_2 F(K_t, N_t) = \omega_t$$

$$K_{t+1}: \beta \lambda_{t+1} [A_{t+1} D_1 F(K_{t+1}, N_{t+1}) + 1 - \delta] = \gamma \lambda_t$$

The notation $D_i U(C, L)$ represents the partial derivative of the function $U(C_t, L_t)$ with respect to the ith term. Consumption, labor, and capital are treated as independent variables across different time periods, and the optimal decisions are made while accounting for the resource constraint of the economy.

$$Y_t = A_t F(K_t, N_t, FDI_t, ER_t, INF_t, INTR_t, LF_t, COVID_t) \quad (2.33)$$

$$Y_t = A_t F(K_t, N_t) X_t$$

$$Y_t = A_t F(K_t, N_t)$$

Where:

Y_t represents Gross Domestic Product (GDP).

A_t represents a measure of total factor productivity (TFP) or a productivity shock factor.

$F(K_t, N_t)$ represents the production function, indicating the relationship between capital (K) and labor (N) inputs.

K_t represents the capital stock.

N_t represents the labor force

X_t could represent any additional factors affecting productivity or output in the study model.

To incorporate independent variables:

Foreign Direct Investment (FDI) could influence the capital stock (K_t).

Exchange Rate (ER) might affect the productivity factor (N_t).

Inflation (INF) could influence both labor (by affecting real wages) and capital (by affecting investment decisions).

International Reserves (RES) might influence investment decisions and thus impact the capital stock (K_t).

Labor Force (LF) is directly incorporated as N_t .

COVID-19 Severity (COVID) may influence all aspects of economic activity and could be included as a shock factor (A_t).

Methodology

This study utilizes a dataset provided by the World Bank, covering five North African countries Algeria, Morocco, Egypt, Tunisia, and Libya over the period from 1990 to 2022.

A dynamic panel data analysis approach is employed, using the Generalized Method of Moments (GMM). GMM is well-suited for handling the endogeneity of variables and capturing the dynamic nature of economic growth over time [11]. The two-stage system GMM estimator was used after testing through OLS and LSDV estimation procedures, which revealed biases. The Sargan test and Arellano-Bond test were applied to validate the model's robustness and ensure consistency.

Research

As show in the fig. 1 below as conceptual framework examines how labor forces, foreign direct investment (FDI), international reserves, and inflation rate influence the real GDP growth rate of African countries, while using the COVID-19 pandemic as a control variable to analyze its impact on economic performance.

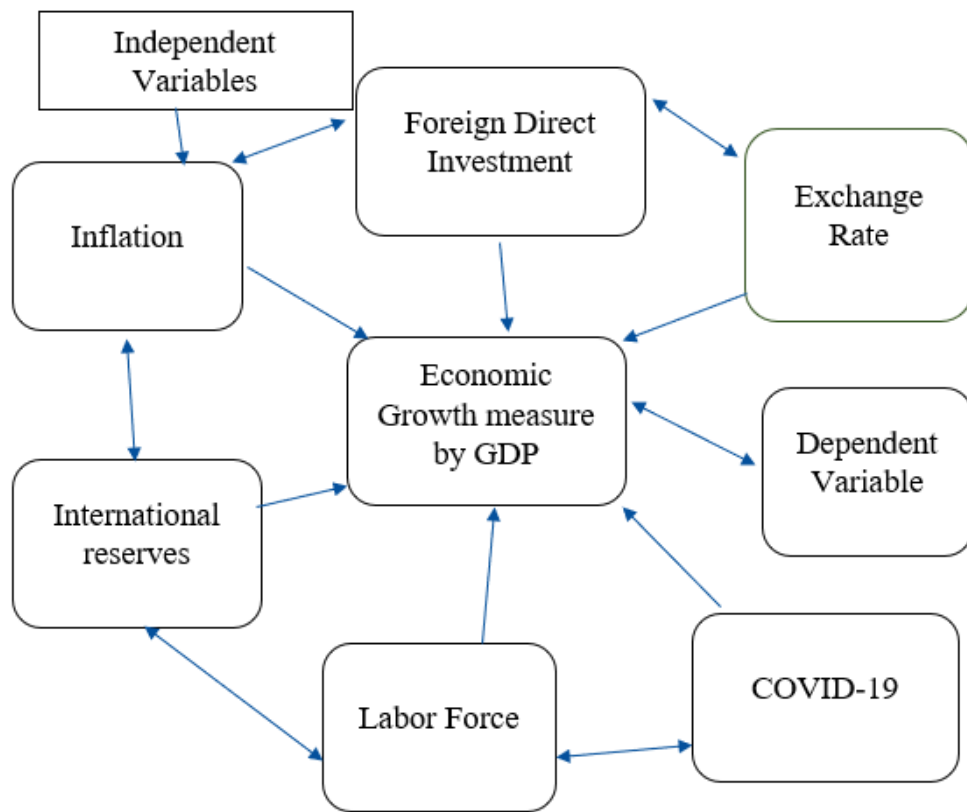

Fig. 1. Conceptual Framework.

Source: compiled by the authors based on [18].

Analysis of North Africa Region

Table 1

Sargen Test for instrument validity of North Africa

Test Statistic: chi2(15)	14,87011
p-value: Prob > chi2	0,4608

Source: compiled by the authors based on [37].

As show in tab. 1, the results of the chi-squared test provide valuable insights into the overall fit of the model being evaluated. The test statistic of $\chi^2(15) = 14,87011$ suggests that, while the model has a certain level of complexity with 15 degrees of freedom, the value of the test statistic is not significantly high. A p-value of more than 0,05 an indication that there is no adequate reason to infer that the model does not fit the data. This suggest that the indicated relations between the variables should provide a reasonably accurate account of the data patterns without much distortion. The results of the chi-squared tests indicate that the model is reasonably appropriate to the data

collected and thus further investigation of its potential as a predictor and its potential theoretical applications should be pursued.

Table 2

Arellano–Bond test results for autocorrelation for North Africa

Order	Z	Prob > z
1	-1,7949	0,0727
2	-0,3795	0,7043

Source: compiled by the authors based on [37].

As show in tab. 2, the Arellano–Bond test results reveal potential first-order autocorrelation, with a z statistic of -1,795 and a p-value of 0,07, indicating a marginally significant issue that warrants further review. However, the second-order autocorrelation test, with a z statistic of -0,38 and a p-value of 0,704, suggests no significant autocorrelation at this level, supporting the model’s robustness at higher orders. Overall, while first-order autocorrelation may require attention, the model’s error structure appears reliable at second-order levels.

Table 3

Comparison of Fixed Effects, First-Differenced GMM, System GMM, and Pooled Least Squares Models for Log GDP Determinants

Variables	FEM	FDGMM	SYSGMM	PLS
GDP L1	0,82521272	0,82625986	0,92909724	0,9423215
Exchange rate	-1,681e+08	-1,795e+08	1756684,4	-254523,32
Foreign direct investment	1,4206548	1,4258215	2,483866	2,5357906
Inflation	-3,166e+08	-3,117e+08	-2,758e+08	2,445e+08
International Reserve	0,08664086	0,08565983	0,05272399	0,04382634
Labor force	4192,1566	4192,9527	1020,9731	566,11195
Covid	9,143e+09	9,303e+09	9,703e+09	7,136e+09
Constant (cons)	-2,330e+10	-2,316e+10	-4,698e+09	9,362e+08

Source: compiled by the authors based on [37].

As show in tab. 3, the study finds that GDP L1 demonstrates stability across all models, with significant positive coefficients in SYSGMM, FDGMM, FEM, and PLS. Foreign Direct Investment (FDI) shows similar stability, particularly in the FDGMM model, which aligns closely with FEM and PLS. Labor Force and COVID-19 exhibit consistent positive relationships across all models, with FEM and SYSGMM providing comparable estimates for Labor Force. In contrast, Exchange Rate and Inflation show more variability, with FDGMM yielding estimates that align well with FEM and PLS. Overall, FDGMM is favored as the preferred model for its closer alignment with benchmark models for key variables, providing unbiased estimates for Exchange Rate and Inflation, while SYSGMM is more robust for GDP L1 and Labor Force. Overall, the study emphasizes the importance of historical performance, capital inflows, and workforce factors in understanding GDP dynamics, while highlighting the need for policies to mitigate COVID-19’s economic impact.

Table 4

Adjusted Short Run Regression Model for North Africa

Variable	Coefficient	Robust Standard Error	Z-value	p-value
Lagged GDP (GDP L1)	0,929	0,044	21,26	0,000
Exchange Rate (ER)	1756684	4,05e+07	0,04	0,965
Foreign Direct Investment (FDI)	2,484	1,032	2,41	0,016
Inflation Rate (INF)	-2,76e+08	3,22e+08	-0,86	0,392
International reserves (INTR)	0,053	0,036	1,46	0,143
Labor Force (LF)	1020,973	389,192	2,62	0,009
COVID-19 Impact (COVID)	9,70e+09	7,34e+09	1,32	0,186
Constant (cons)	-4,70e+09	3,92e+09	-1,20	0,230

Source: compiled by the authors based on [37].

As show in tab. 4, the modified short-run regression model for North Africa identifies key economic drivers of GDP growth. Lagged GDP (GDP L1) shows a strong positive correlation with current GDP, with a coefficient of 0,929 and a highly

significant p-value of 0,000, indicating that past economic success significantly influences current growth. Foreign direct investment also exhibits a significant positive relationship with GDP (p-value = 0,016), suggesting that increased investment fosters economic activity in the region. In contrast, inflation shows a negative association with GDP but lacks statistical significance (p-value = 0,392), implying minimal short-term impact. Similarly, international reserves have a positive coefficient with a non-significant p-value of 0,143. The labor force demonstrates a strong positive correlation with GDP (p-value = 0,009), highlighting the importance of human capital for economic growth. While the COVID-19 influence is positively associated with GDP, its low significance (p-value = 0,186) suggests that the pandemic's immediate effects may not be fully captured. Overall, the model emphasizes the roles of past GDP performance, foreign direct investment, and labor availability in driving short-term economic growth in North Africa.

Table 5

Adjusted Long Run Regression Model for North Africa

Variable	Coefficient	Standard Error	Z-value	p-value
Exchange Rate (ER)	2,48e+07	5,82e+08	0,04	0,966
Foreign Direct Investment (FDI)	35,032	16,284	2,15	0,031
Inflation Rate (INF)	-3,89e+09	6,63e+09	-0,59	0,557
International reserves (INTR)	-3,89e+09	6,63e+09	-0,59	0,557
Labor Force (LF)	0,744	0,470	1,58	0,113
COVID-19 Impact (COVID)	14399,62	8825,416	1,63	0,103

Source: compiled by the authors based on [37].

As show in tab. 5, the adjusted long-run regression model for North Africa reveals insights into the long-term effects of various economic variables on GDP growth. The exchange rate shows a weak positive association with GDP, with a coefficient of 0,966 and a p-value indicating low statistical significance, suggesting minimal long-term impact. Foreign direct investment (FDI) emerges as a significant factor for long-term growth, with a positive coefficient and a p-value of 0,031, highlighting its role in enhancing industrial growth and employment. In contrast, inflation and interest rates exhibit negative coefficients and non-significant p-values of

0,557, indicating limited long-term influence on economic performance. The labor force shows a positive correlation with GDP, but its p-value of 0,113 suggests this relationship is not statistically significant. Similarly, the COVID-19 impact variable, although positive, lacks statistical significance (p-value = 0,103), indicating uncertain long-term economic implications. Overall, the model emphasizes the importance of FDI while suggesting that other variables may have less substantial long-term effects on GDP growth in North Africa.

Table 6

Analysis of Short-run and Long-run Effects of Independent Variables on GDP Growth

Variables	Short-run Effect P-value	Long –run Effect P-value	Significant level
Lag Dependent Variable: L1. GDP	0,000		
Independent Variables: er	0,965	0,966	Not significant
Independent Variables: fdi	0,016	0,031	Short-run Long-run
Independent Variables: inf	0,392	0,557	Not significant
Independent Variables: intr	0,143	0,557	Not significant
Independent Variables: lf	0,009	0,113	Short-run
Independent Variables: covid	0,186	0,103	Short-run

Source: compiled by the authors based on [37].

As show in tab. 6, the analysis of short-term and long-term effects on GDP reveals complex relationships among economic indicators. The lagged dependent variable shows a statistically significant short-term effect (p-value = 0,000), underscoring the influence of historical performance on current GDP. The exchange rate has no significant impact in either timeframe, with p-values of 0,965 and 0,966, suggesting that exchange rate fluctuations may not be crucial for economic outcomes. In contrast, foreign direct investment (FDI) significantly promotes GDP growth in both the short term (p-value = 0,016) and long term (p-value = 0,031), emphasizing its importance as a policy objective. Inflation shows no significant impact on GDP (short-run p-value = 0,392; long-run p-value = 0,557), indicating it may not substantially influence GDP dynamics. International reserves have negligible effects, while the labor

force demonstrates a significant short-term effect (p-value = 0,009) but an insignificant long-term effect (p-value = 0,113). The COVID-19 variable shows short-term significance (p-value = 0,186), suggesting immediate economic changes, but its long-term influence on GDP remains uncertain, warranting further examination.

Convergence estimation in North Africa shows a slow alignment in growth rates, with a 7,35 % annual convergence rate, highlighting the need for greater economic integration and structural reforms. Foreign direct investment and trade policies play key roles in influencing this gradual convergence.

Discussion

The relationship between economic indicators and growth in African countries is complex, with certain factors playing a critical role in driving sustainable development. Foreign Direct Investment (FDI) and inflation emerge as crucial determinants of growth, with evidence suggesting that robust policy frameworks can enhance their positive impacts on economic performance [27]. Different phases of the business cycle exhibit distinct correlations with growth. For instance, expansion phases typically lead to higher growth rates, driven by increased investment and consumption, while contraction phases expose structural weaknesses within economies [5].

Labor force participation also plays a pivotal role in economic growth, underscoring the importance of responsive labour policies that can adjust to market demands and inflationary pressures [16]. External shocks, such as the COVID-19 pandemic, have further stressed African economies, particularly in North Africa, highlighting the critical need for resilience and emergency preparedness in economic planning [4].

Policy Implications

The policy implications of these findings are significant, especially for North African economies. Effective policies should foster a favourable environment for FDI by streamlining regulations and enhancing labour market flexibility. Controlling inflation is equally important to sustain a stable economic environment conducive to investment and growth. Additionally, governments in the region should establish

contingency plans to mitigate the impact of external shocks, such as global pandemics and economic crises, which disproportionately affect economies that are heavily dependent on natural resources, tourism, and remittances [3].

For sustainable growth, North African countries must adopt tailored policies that address their unique economic structures and vulnerabilities. These policies should promote diversification to reduce reliance on volatile sectors, such as tourism and natural resources, thereby creating a more resilient economic foundation that can withstand external shocks and foster long-term growth [4].

Conclusion

This study offers valuable insights into the intricate relationship between business cycles and economic growth in African countries, focusing on macroeconomic variables such as inflation, foreign direct investment (FDI), exchange rates, labour force, and the effects of external shocks like the COVID-19 pandemic. Through dynamic panel data analysis using the Generalized Method of Moments (GMM), the findings reveal that interest rates and FDI have a positive influence on short-term GDP growth, while inflation and external shocks pose challenges to long-term economic stability. The research highlights the need for policymakers to consider these factors when formulating strategies to mitigate economic downturns and seize growth opportunities.

Future Research

Future studies should explore the sector-specific impacts of business cycles, focusing on how different industries such as agriculture, manufacturing, and services are affected. By adopting these policy recommendations, African countries can mitigate the negative effects of business cycles and external shocks, ensuring more stable and sustainable economic growth in the long term.

References

1. Achuo E.D., Dinga G.D., Njuh Ch.J., Ndam N.L. The Socioeconomic Impacts of the COVID-19 Pandemic in Africa. *International Journal of Progressive Sciences and Technologies (IJPSAT)*, 2020, vol. 22, no. 2, pp. 1-10.
2. Ademola, O., Alalade, S., Ogbemor, P., Aworinde, O. Interest Rates and Real Economic Growth in Nigeria: Empirical Investigation from Autoregressive Distributed Lag Model. *International Journal of Economics, Finance and Management Sciences*, 2023, vol. 11, issue 6, pp. 300-310. DOI: 10.11648/j.ijefm.20231106.12.
3. Africa Sustainable Development Report 2022. UNDP. Available at: www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-01/Africa%20Sustainable%20Development-Report_2022-PRINT_Inside_Final-05-12-22.pdf (accessed: 10.05. 2024).
4. African Development Bank Group - Annual Report 2022: Highlights. Available at: www.afdb.org/en/documents/african-development-bank-group-annual-report-2022-highlights (accessed: 10.05. 2024).
5. African Development Bank Group - Annual Report 2023: Highlights. Available at: www.afdb.org/en/documents/african-development-bank-group-annual-report-2023-highlights (accessed: 10.05. 2024).
6. African Energy Chamber Q2 2023. Outlook Report. Available at: <https://energychamber.org/wp-content/uploads/15.The-State-of-African-Energy-Q2-2023-Outlook-Report.pdf> (accessed: 10.05. 2024).
7. Amankwah-Amoah J., Khan Z., Wood J., Knight G. COVID-19 and digitalization: The great acceleration. *Journal of Business Research*, 2021, vol. 136, pp. 602-611. DOI: 10.1016/j.jbusres.2021.08.011.
8. Arellano M., Bond S. Some tests of specification for panel data: Monte Carlo evidence and an application to employment equations. *The Review of Economic Studies*, 1991, no. 58(2), pp. 277-297.
9. Balgah R.A., Benjamin E.O., Kimengsi J.N., Buchenrieder G. COVID-19 impact on agriculture and food security in Africa. A systematic review and meta-

analysis. *World Development Perspectives*, 2023, vol. 31, issue C. DOI: 10.1016/j.wdp.2023.100523.

10. Barguelli A., Ben-Salha O., Zmami M. Exchange Rate Volatility and Economic Growth. *Journal of Economic Integration*, 2018, vol.33, no. 2, pp. 1302~1336. DOI:10.11130/jei.2018.33.2.1302.

11. Beck T., Levine R. Stock markets, banks, and growth: Panel evidence. *Journal of Banking & Finance*, 2004, vol. 28(3), pp. 423-442.

12. Berger T., Pozzi L. Is there really a Global Business Cycle? A Dynamic Factor Model with Stochastic Factor Selection. Tinbergen Institute Discussion Paper, 2016.

13. Broadberry S., Gardner L. Changing the narratives on Sub-Saharan Africa's failure to develop. The London School of Economics and Political Science, 2022. Available at: www.lse.ac.uk/research-assets/article-PDFs/changing-narratives-on-sub-saharan-african-development.pdf (accessed: 10.05. 2024).

14. Doguwa S.I. Inflation and Economic Growth in Nigeria: Detecting the Threshold Level. *CBN Journal of Applied Statistics*, 2012, vol.3, no. 2, pp. 99-124.

15. Ductor L., Leiva-Leon D. Dynamics of global business cycle interdependence. *Journal of International Economics*, 2016, no. 102, pp. 110-127. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2016.07.003>.

16. Foresight Africa 2021. Africa Growth Initiative. Available at: www.brookings.edu/wp-content/uploads/2021/01/foresightafrica2021_fullreport.pdf (accessed: 10.05. 2024).

17. Guimarães S.D., Tiryaki G.F. The impact of population aging on business cycles volatility: International evidence. *Journal of Economics*, 2020. DOI: 10.1016/J.JEOA.2020.100285.

18. Haroon M. Real Business Cycles in Small Emerging Economies: The Role of Financial Frictions and Dollarization. *Journal of Emerging Market Economics*, 2022, vol. 8(2), pp. 210-235.

19. Hartley J., Hoover K., Salyer K.D. *Real Business Cycles*. Routledge, 2013.

20. Holtz-Eakin D. Testing for individual effects in autoregressive models. *Journal of Econometrics*, Elsevier, 1988, vol. 39(3), pp. 297-307.

21. Hossain R., Roy Ch.K., Akter R. The effects of foreign direct investment and trade openness on economic growth amid crises in Asian economies. *Economic Journal of Emerging Markets*, 2022, vol. 14, issue 2, 231-243.
22. Impact of global shocks on African economies. *Economic Report on Africa 2023: Building Africa's Resilience to Global Economic Shocks*. Available at: <https://repository.uneca.org/bitstream/handle/10855/49992/b12040071.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 10.05. 2024).
23. Ireland P.N. The Monetary Transmission Mechanism. FRB of Boston Working Paper, 2005, No. 06-1, Available at: <https://ssrn.com/abstract=887524> (accessed: 10.05. 2024).
24. Kemegue F.M., Seck O. Do African Monetary Arrangements Make Sense? Evidence Based on Structural Symmetry. In: Seck, D. (eds) *Regional Economic Integration in West Africa. Advances in African Economic, Social and Political Development*, 2014. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-319-01282-7_4.
25. King R.G., Rebelo S. T. Resuscitating real business cycles. In: Taylor J.B., Woodford M. (Eds.). *Handbook of Macroeconomics*, 1999, vol. 1, pp. 927-1007.
26. Kydland F. E., Prescott E. C. Time to build and aggregate fluctuations. *Econometrica*, 1982, vol. 50(6), 1345-1370.
27. Lama R., Leyva G., Urrutia C. Labor Market Policies and Business Cycles in Emerging Economies, *IMF Economic Review*, Palgrave Macmillan; International Monetary Fund, 2022, vol. 70(2), pp. 300-337. DOI: 10.1057/s41308-021-00153-5.
28. Majerova I. The Success of Macroeconomic Policies of Selected Countries of North Africa. *Journal of Economics, Business and Management*, 2015, vol. 3, no. 1, pp. 24-28. DOI: 10.7763/JOEBM.2015.V3.149.
29. Mankiw N.G. *Principles of economics* (8th ed.). Boston, MA: Cengage Learning, 2016.
30. Mohammad K., Thiyagarajan S., Sridharan P. Dynamics of Algeria's international reserves. *South African Journal of Economic and Management Sciences (SAJEMS)*, 2017, vol. 8, no. 4, pp. 410-419.

31. Ngubane M.Z., Mndebele S., Kaseeram I. Economic growth, unemployment and poverty: Linear and non-linear evidence from South Africa. *Heliyon*, 2023, vol. 9, issue 10. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e20267.
32. Omolade A., Mukolu O.M. Monetary policy dynamics and the economic growth of the Sub Sahara Africa (SSA). *Journal of Entrepreneurship, Business and Economics*, 2018, no. 6(1), pp. 36-58.
33. Rand J., Tarp F. Business Cycles in Developing Countries: Are They Different? *World Development*, vol. 30, no. 12, pp. 2071-2088.
34. Tregenna F. The contributions of manufacturing and services to employment creation and growth in South Africa. *South African Journal of Economics*, 2008, vol. 76, issue s2, pp. 175-175. DOI:10.1111/j.1813-6982.2008.00187.x.
35. Trotter P.A., Brophy A. Policy mixes for business model innovation: The case of off-grid energy for sustainable development in sub-Saharan Africa. *Research Policy*, 2022, vol. 51, p. 104528. DOI: 10.1016/j.respol.2022.104528.
36. Tsaurai K. Investigating the Impact of Inflation on Foreign Direct Investment in Southern Africa. *Acta Universitatis Danubius*, 2018, vol. 14, no. 4, pp. 597-611.
37. World Development Indicators (2023). World Bank. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 10.05. 2024).
38. Zekarias S. The Impact of Foreign Direct Investment (FDI) on Economic Growth in Eastern Africa: Evidence from Panel Data Analysis. *Applied Economics and Finance*, 2016, vol. 3, no. 1. DOI: 10.11114/aef.v3i1.1317.

© Sani Abdullahi Sule, Lukman Hakim, Tetuko Rawidyo Putro, Putra Pamungkas, 2024

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**Тенденции развития мирового рынка хлопка**

*Агабабаева Нурай Мушфиг кызы,
Лебедева Татьяна Эдуардовна,
Левченко Ксения Романовна,
Капустина Лариса Михайловна,
Уральский государственный экономический университет,
620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62*

В статье рассматривается конъюнктура мирового рынка хлопка. Анализируется динамика производства хлопка в ведущих странах-производителях: Китае, Индии, США, Бразилии, определяется изменение конкурентных позиций стран на мировом рынке хлопка. Определены страны, лидирующие по объемам потребления, экспорта и импорта хлопка, выявлены факторы, формирующие конъюнктуру хлопкового рынка, проанализирована динамика мировых цен, намечены перспективы развития рынка хлопка. Получен вывод о том, что на спады и подъемы конъюнктуры рынка наибольшее влияние оказывают изменение климатических условий выращивания хлопка, засухи и наводнения, метеоусловия в крупнейших странах-производителей. Мировые цены на хлопок существенно снизились в год пандемии КОВИД-19 в 2020 году и значительно выросли после введения США эмбарго на импорт хлопка из Китая в 2022 году. Выявлены важнейшие конъюнктурообразующие факторы: стихийные бедствия, торговые ограничения, новые экологические стандарты в отрасли, технологии автоматизации и цифровизации агротехники хлопчатника.

Ключевые слова: импорт, производство, спрос, хлопок, экспорт.

JEL коды: F19, O13, Q02, Q17.

Trends in the development of the global cotton market

*Agababayeva Nurai Mushfig kyzy,
Lebedeva Tatyana Eduardovna,
Levchenko Ksenia Romanovna,
Kapustina Larisa Mikhailovna,
Ural State University of Economics,
620144, Ekaterinburg, 8 Marta str., 62*

The article examines the conjuncture of the global cotton market. The dynamics of cotton production in the leading producing countries: China, India, the USA, Brazil is analyzed, and the

change in the competitive positions of countries in the global cotton market is determined. The countries leading in terms of consumption, export and import of cotton are identified, the factors shaping the cotton market situation are identified, the dynamics of world prices are analyzed, and the prospects for the development of the cotton market are outlined. It was concluded that changes in the climatic conditions of cotton cultivation, droughts and floods, and weather conditions in the largest producing countries have the greatest impact on the recessions and ups of market conditions. World cotton prices declined significantly in the year of the COVID-19 pandemic in 2020 and increased significantly after the US imposed an embargo on cotton imports from China in 2022. The most important conjuncture-forming factors have been identified: natural disasters, trade restrictions, new environmental standards in the industry, automotive technologies and digitalization of cotton agricultural machinery.

Key words: *import, production, demand, cotton, export.*

Введение

Хлопок является важнейшим натуральным сырьем для текстильной промышленности и используется преимущественно для производства одежды. Мировой рынок хлопка на протяжении многих лет демонстрировал устойчивый рост, чему способствовало увеличение населения, но последние годы производство замедляется. Было отмечено, что «рынок сталкивается с проблемами, связанными с устойчивостью, экологическими проблемами и колебанием цен» [11], при этом «производство и переработка хлопка вносят существенный вклад в экономику многих развивающихся стран и дают средства к существованию миллионам сельских жителей во всём мире» [4].

По прогнозам Международного Консультативного Совета по хлопку (ICAC), хлопковое производство в 2025 г. столкнется с проблемами, связанными с изменением климата и высокими издержками производства. Стандарты защиты окружающей среды под давлением гражданского общества и потребителей станут строже. Изменение климата может серьезно повлиять на районы выращивания хлопка, требуя от фермеров быстрой адаптации [10].

Прогнозы экспертов свидетельствуют о том, что «цены на хлопок в долгосрочной перспективе будут отражать умеренную динамику роста. Это

касается как производства, так и потребления в целом. Из-за растущих затрат на рабочую силу и стимулов для получения добавленной стоимости в цепочке поставок хлопка постепенного замещения торговли хлопчатобумажной пряжей и искусственными волокнами» [1].

Целью исследования является выявление основных тенденций в производстве, потреблении, международной торговле хлопком и факторов, формирующих конъюнктуру мирового хлопкового рынка.

В работе применялись методы экономического анализа, графической визуализации данных, анализа и синтеза, конъюнктурного исследования рынка.

Информационную основу исследования составили база статистических данных Международной организации продовольствия и сельского хозяйства (FAO), Международного консультативного совета по хлопку, онлайн платформа для анализа данных по различным секторам экономики Observatory of Economic Complexity (OEC), аналитические доклады исследовательской компании Mordor Intelligence, база данных Statista.

Динамика и географическая структура мирового производства хлопка

Производством хлопка занимается ограниченное количество стран, так как для его выращивания необходимо определенные климатические условия, которые присутствуют не во всех странах мира. Чтобы успешно выращивать хлопок, требуется длительный теплый период без заморозков, с большим количеством солнца и умеренными осадками. Иными словами, лучше всего для хлопка подходит тропический и субтропический климатические пояса. Подходящий для выращивания хлопка климат присутствует в 70 государствах мира [2; 3]. На рис. 1 представлены доли стран в мировом производстве хлопка за 2023 г. В пятерку лидеров входят Китай, Индия, США, Бразилия и Австралия.

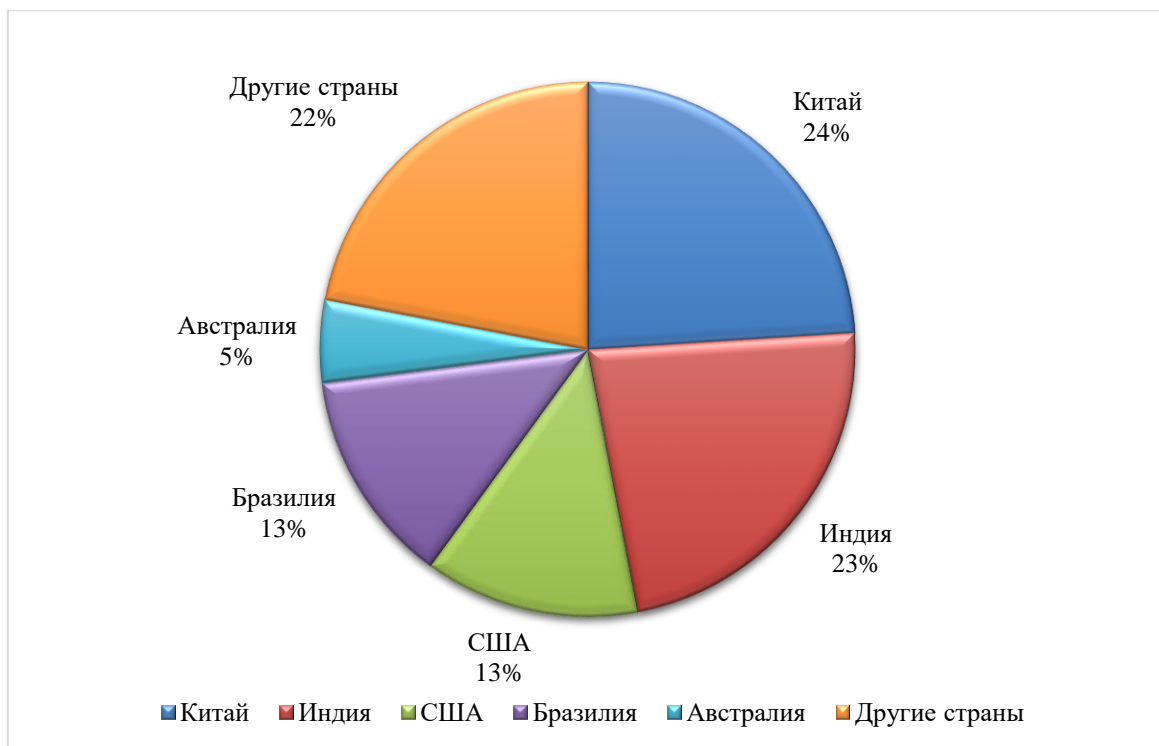

Рис. 1. Доля ведущих стран в мировом производстве хлопка за 2023 год, %.
 Источник: [15].

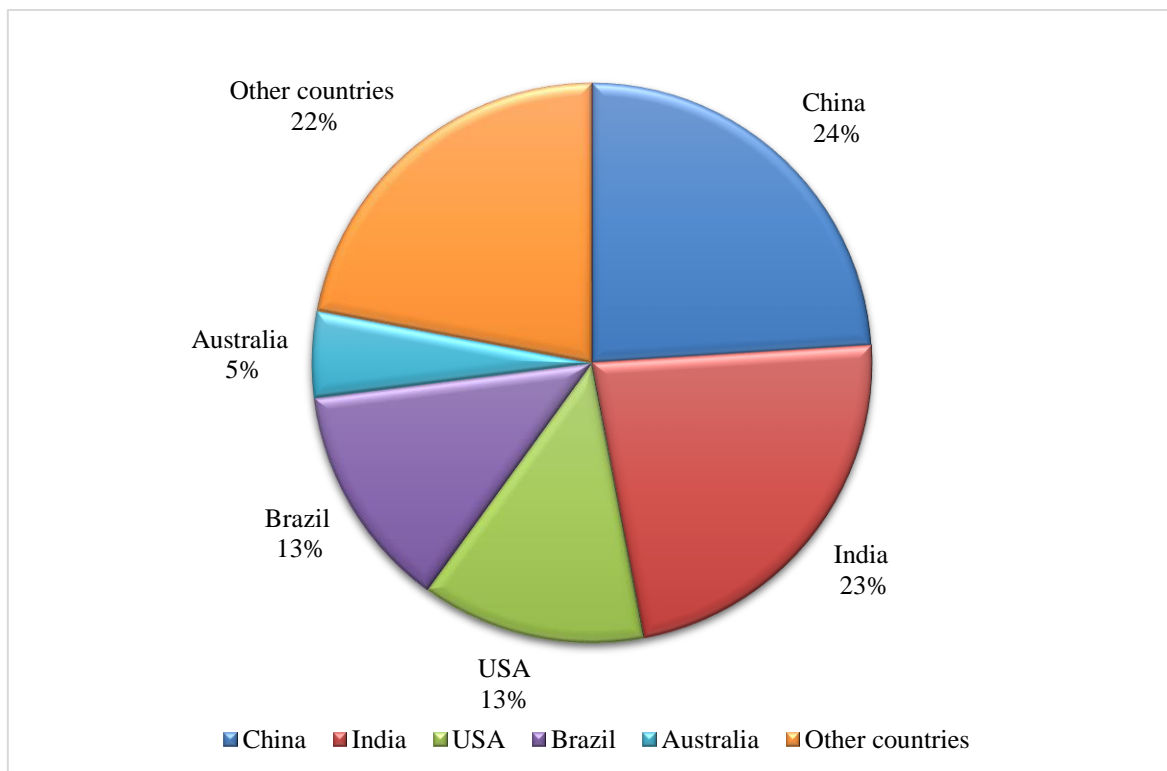

Fig. 1. The share of cotton-producing countries in global production, 2023.
 Source: [15].

На позиции стран в рейтинге в значительной степени влияют погодные условия, а также инновации в агротехнике. В табл. 1 представлены объемы производства хлопка в странах-лидерах за 2019-2023 гг.

Таблица 1

**Объем производства хлопка по странам с 2019 по 2023 г.
(в тюках по 1000 фунтов)**

Страна	Объем производства хлопка в год (в тюках по 1000 фунтов)				
	2019	2020	2021	2022	2023
Китай	27450	29600	26800	30700	27000
Индия	28500	27600	24400	25000	25500
США	19913	14608	17523	14468	16500
Бразилия	13780	10820	11720	13200	13250
Австралия	625	2800	5850	5500	5800

Источник: [7; 8; 9; 13; 16].

Table 1

**Cotton production volume by country from 2019 to 2023
(1000 lb bales)**

Country	Cotton production volume by country by year (in 1000 lb. bales)				
	2019	2020	2021	2022	2023
China	27450	29600	26800	30700	27000
India	28500	27600	24400	25000	25500
USA	19913	14608	17523	14468	16500
Brazil	13780	10820	11720	13200	13250
Australia	625	2800	5850	5500	5800

Source: [7; 8; 9; 13; 16].

Китай является одним из крупнейших производителей хлопка по всему миру. На его долю приходится 25 % мирового производства сырья. Ежегодно страна повышает урожайность, что выгодно отличает ее от Индии. Производство хлопка в стране осуществляется в различных регионах, включая Синьцзян-

Уйгурский автономный округ, Шаньси, Шэньси и др. Китай активно развивает технологии производства и обработки хлопка с целью повышения производительности и качества продукции. Кроме того, китайские власти предпринимают меры по содействию устойчивому развитию отрасли, в частности, вводят строгие экологические стандарты для уменьшения загрязнения окружающей среды.

Индия утратила первое место в списке самых урожайных стран по хлопку, что связано с применением малоэффективных методов выращивания. Однако Индия отличается тем, что на ее территории выделяется много гектаров для выращивания хлопка на юге и востоке страны. Индийский хлопок используется как для внутреннего потребления, так и для экспорта, широко применяется в текстильной промышленности и является важным источником дохода для сельскохозяйственных районов страны. На рис. 2 представлена динамика производства хлопка в Индии в 2018–2022 гг.

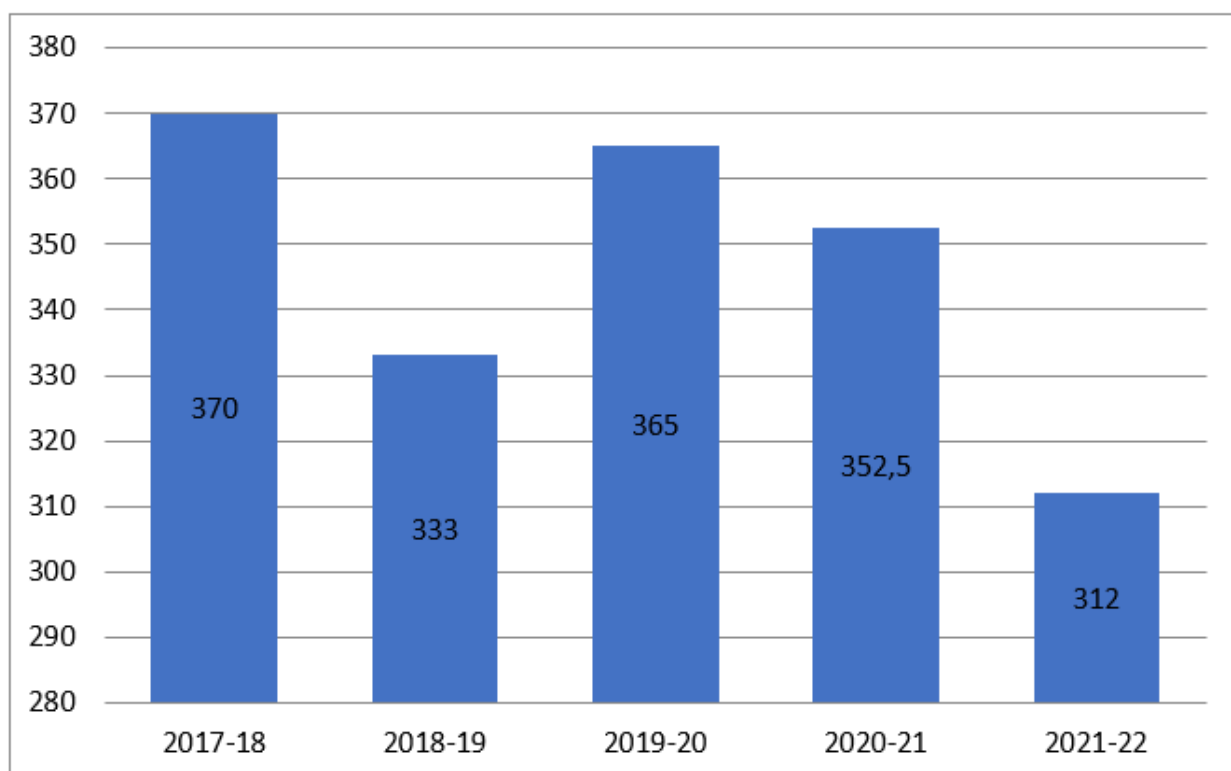

Рис. 2. Производство хлопка в Индии (в тюках по 170 килограмм).

Источник: [13].

Fig. 2. Cotton production in India (in bales of 170 kilograms).

Source: [13].

Крупным производителем хлопка являются Соединенные Штаты Америки. Выращиванием хлопка в США занимаются не одно столетие, и исторически эта отрасль является одной из наиболее значимых в стране. В основном хлопок выращивают на юге страны. На долю 14 основных штатов-производителей хлопка приходится 98 % всего выращиваемого хлопка. В число этих штатов входят Техас, Калифорния, Аризона, Миссисипи, Луизиана, Алабама, Арканзас, Джорджия, Миссури, Нью-Мексико, Северная Каролина, Оклахома, Южная Каролина и Теннесси. Оставшиеся 2 % составляют Канзас, Флорида и Вирджиния. Что касается динамики производства хлопка за последние пять лет, то наблюдается тенденция к его снижению. Так, в период 2017–2018 гг. объем производимого хлопка составил 20,9 тысяч тюков, в то время как в период 2021–2022 гг. – 17,5 тысяч тюков, что меньше на 16,3 %. На рис. 3 представлена динамика производства хлопка в США за период с 2017 по 2022 г.

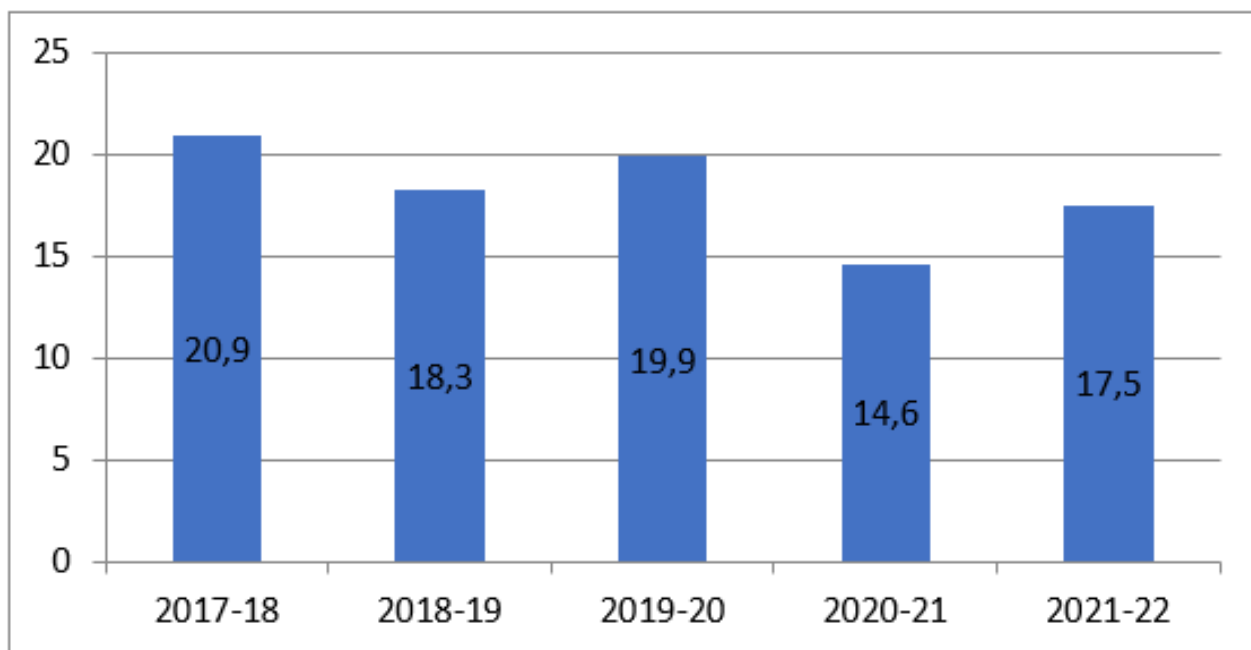

Рис. 3. Производство хлопка в США в 2017-2022 гг. (в тысячах тюков).

Источник: [16].

Fig. 3. Cotton production in the USA in the period from 2017-18 to 2021-22 (in thousands of bales).

Source: [16].

Тренд снижения объемов производства хлопка в США связан с наращиванием его выпуска в КНР и низкими урожаями в отдельные годы в силу климатических изменений.

Рейтинг ведущих стран – потребителей хлопка

Наибольшее количество хлопка потребляют в Китае, Индии, Пакистане, Турции и Бангладеш. На рис. 4 представлены доли стран в мировом потреблении хлопка за 2023 г.

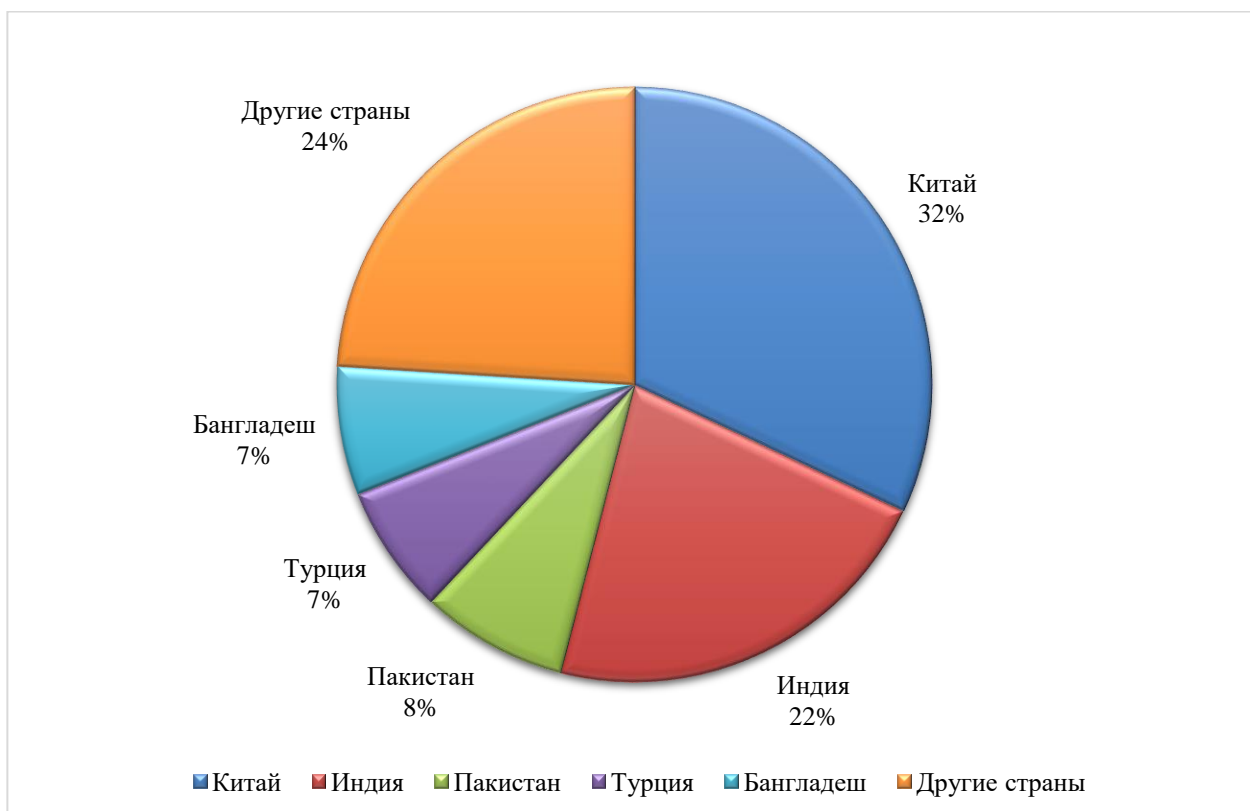

Рис. 4. Доля стран в мировом потреблении хлопка за 2023 г.

Источник: [12].

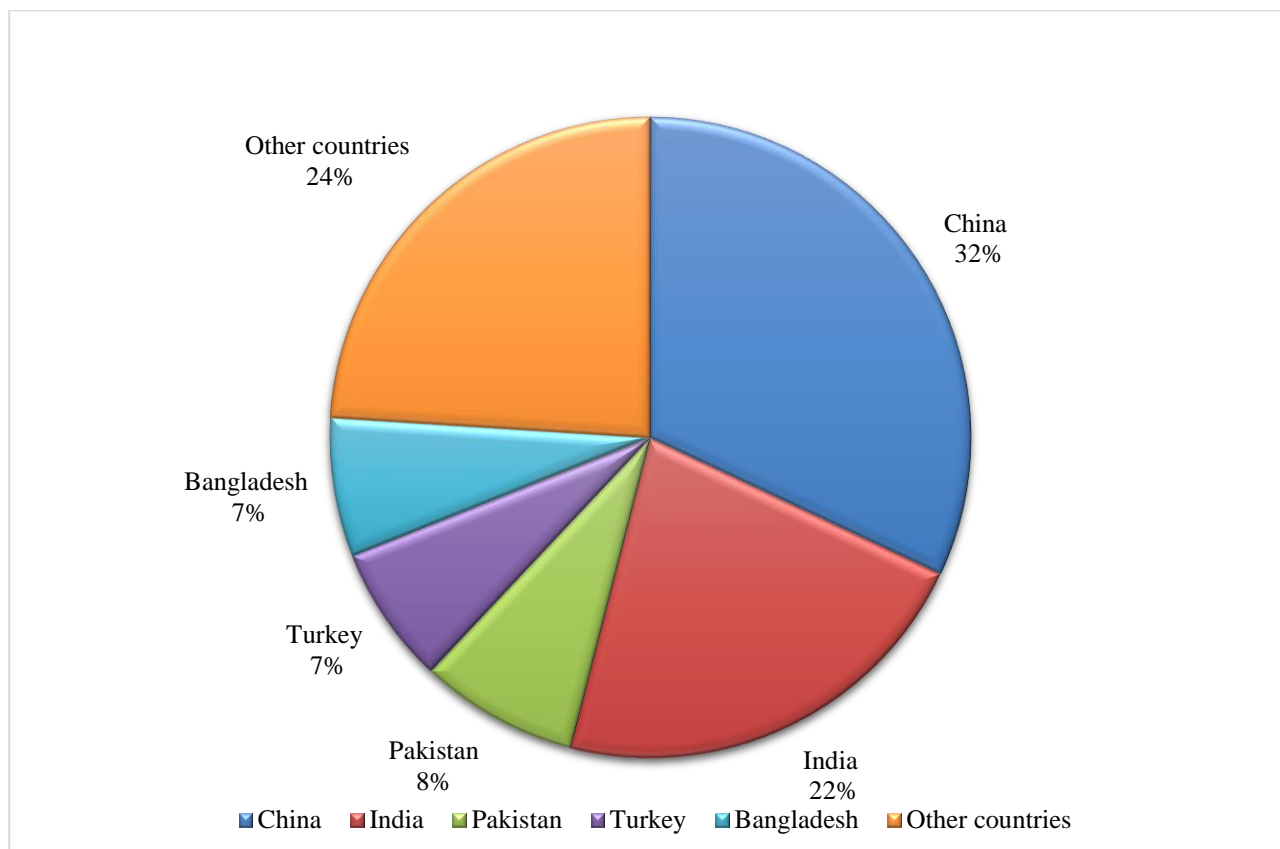

Fig. 4. The share of cotton-consuming countries in global consumption, 2023.
Source: [12].

На Китай приходится 32 % мирового потребления хлопка, что объясняется высоким уровнем развития текстильной промышленности. КНР занимает ведущее положение на мировом рынке одежды. На рис. 5 представлена динамика потребления хлопка в Китае в 2017–2023 гг. В 2019–2020 и в 2022–2023 гг. наблюдался резкий спад в потреблении, вызванный пандемией COVID-19 и принятыми ограничительными мерами, на 14,1 и 9,8 % соответственно.

Второе место по потреблению хлопка в мире занимает Индия, имеющая крупную текстильную промышленность. В Индии, как и в Китае, наблюдается снижение потребления хлопка. Так, в период с 2017 по 2023 г. объем потребления снизился более, чем на 200 тысяч тонн или на 4,1 %.

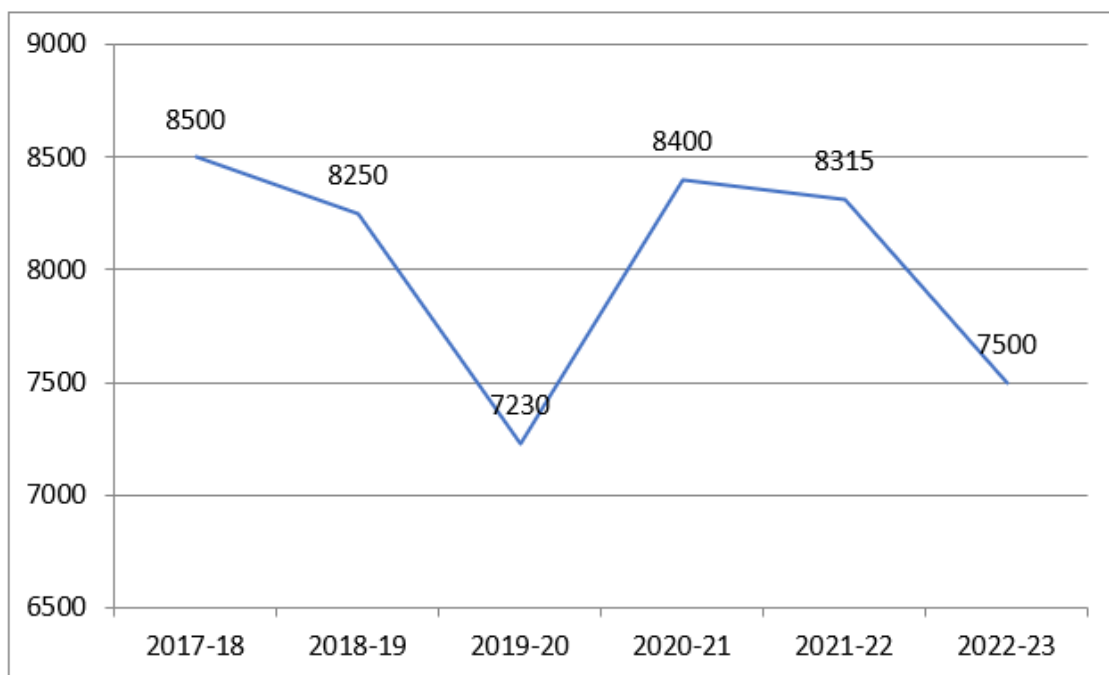

Рис. 5. Потребление хлопка в Китае в 2017–2023 гг., тыс. тонн.

Источник: [12].

Fig. 5. Cotton consumption in China in the period from 2017–2023, thousand tons.

Source: [12].

На рис. 6 представлено изменение объема потребления хлопка за данный период по годам.

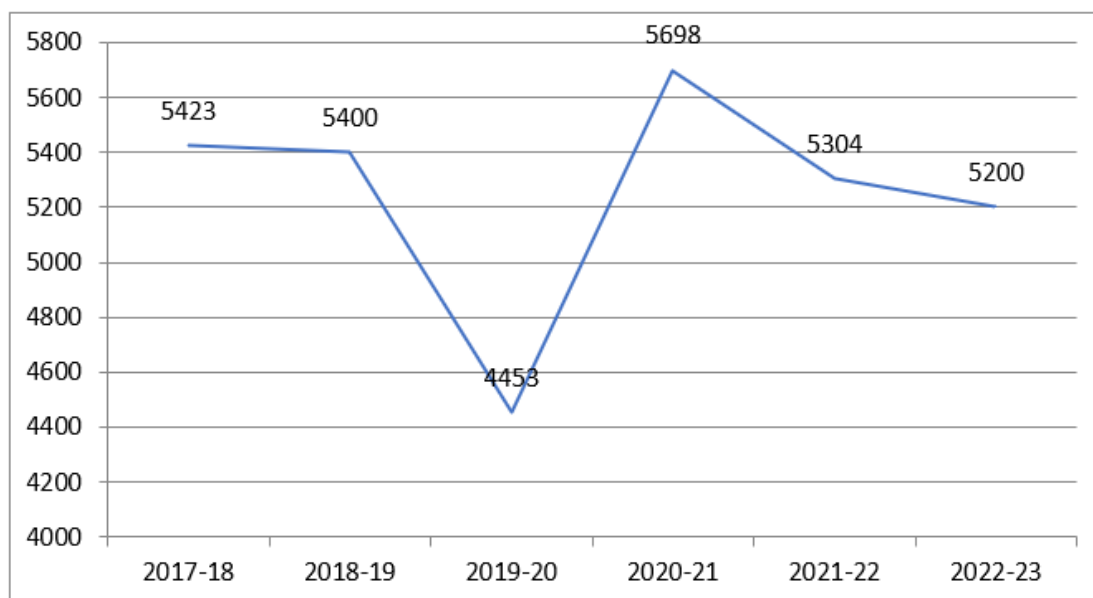

Рис. 6. Потребление хлопка в Индии в 2017–2023 гг., тыс. тонн.

Источник: [12].

Fig. 6. Cotton consumption in India, 2017–2023, thousand tons.

Source: [12].

Следующим после Индии по объему потребляемого хлопка является Пакистан. Из него производят хлопковые ткани: бязь, сатин, перкаль, твил и другие. В Пакистане за последние пять лет наблюдается наибольшее снижение потребления хлопка среди стран-лидеров. Сокращение составило почти 20%. На рис. 7 представлен график изменения объема потребляемого хлопка в Пакистане за период с 2017 по 2023 г.

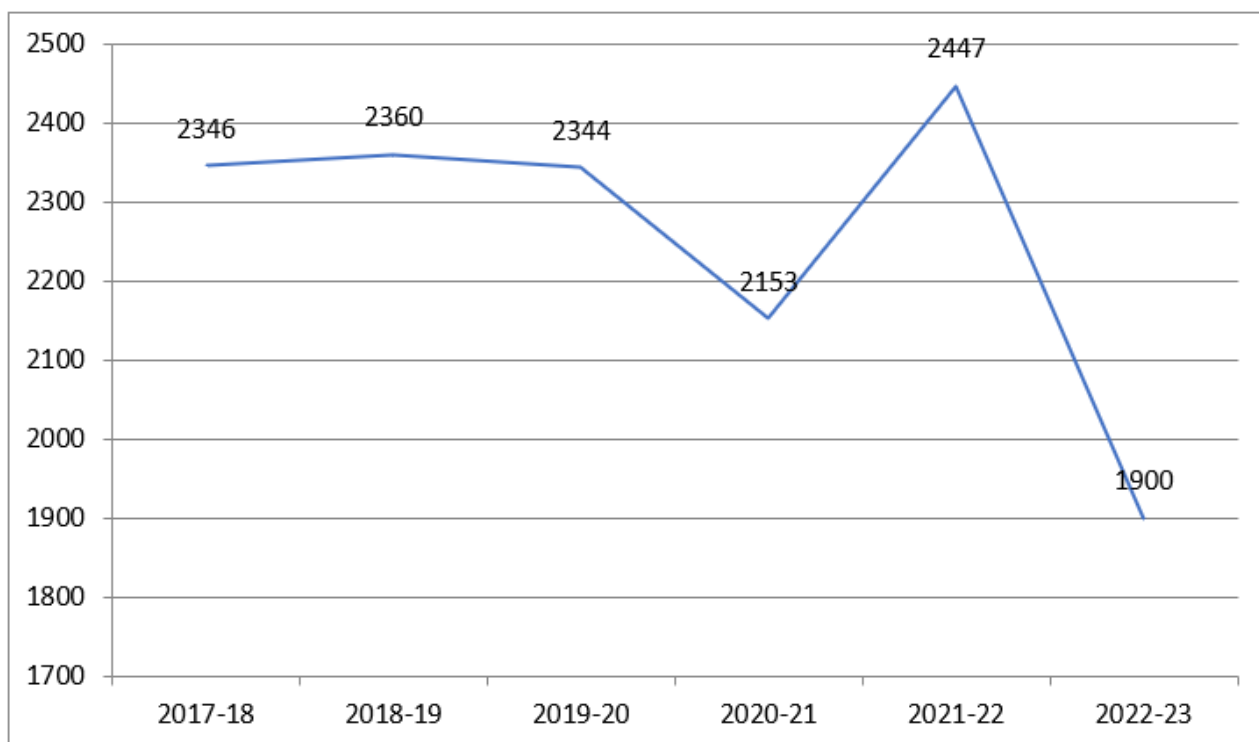

Рис. 7. Потребление хлопка в Пакистане в 2017–2023 гг., тыс. тонн.

Источник: [12].

Fig. 7. Cotton consumption in Pakistan, 2017–2023, thousand tons.

Source: [12].

Особенно неблагоприятным стал 2022–2023 сельскохозяйственный год, когда потребление упало на 22,3%, что было вызвано наводнением в Пакистане в 2022 г. и гибелью части хлопкового урожая. В Пакистане большая часть хлопка выращивается в двух регионах: Пенджаб и Синд. Около 45 % посевов были уничтожены наводнением [5]. Отчасти сокращение потребления во всех странах мира связано с замещением хлопка искусственными тканями и волокнами в текстильной промышленности и ростом цен на текстильные изделия из натуральных материалов.

Тенденции международной торговли хлопком

В 2022 г. в список основных экспортеров хлопка вошли такие страны, как Китай, США, Индия, Бразилия и Пакистан. На рис. 8 можно увидеть долю каждой страны-экспортера на мировом рынке хлопка.

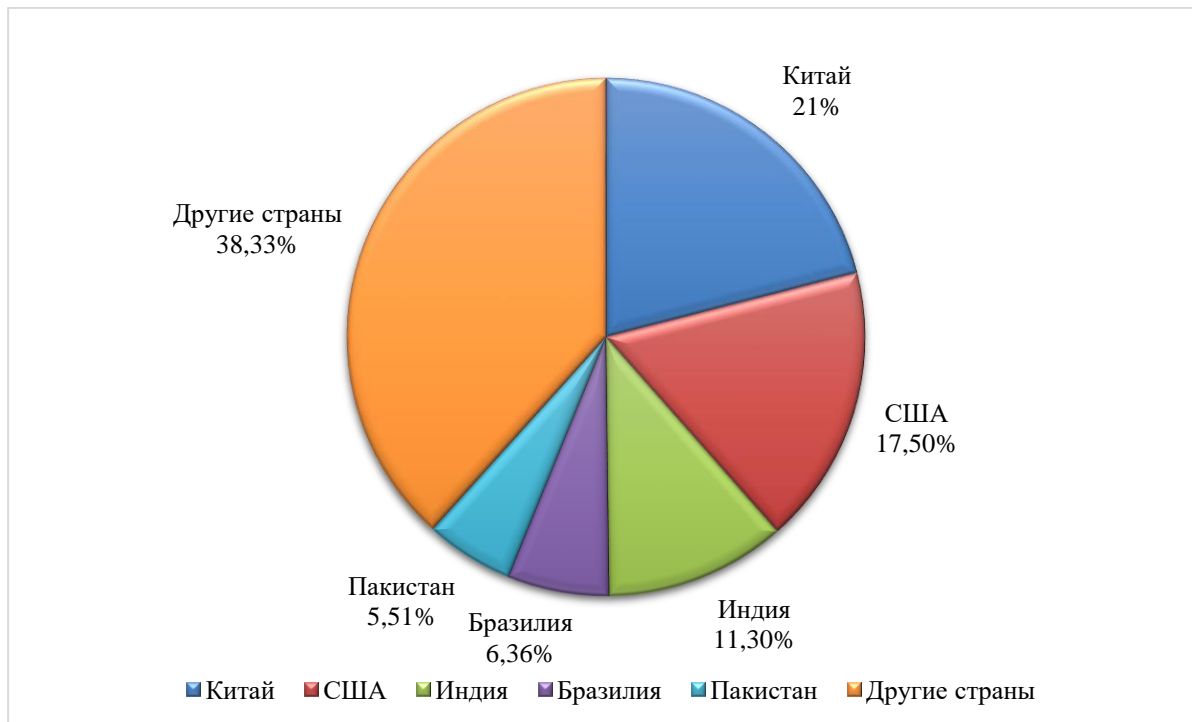

Рис. 8. Доля стран-экспортеров хлопка в мировом экспорте на 2022 г.
 Источник: [6].

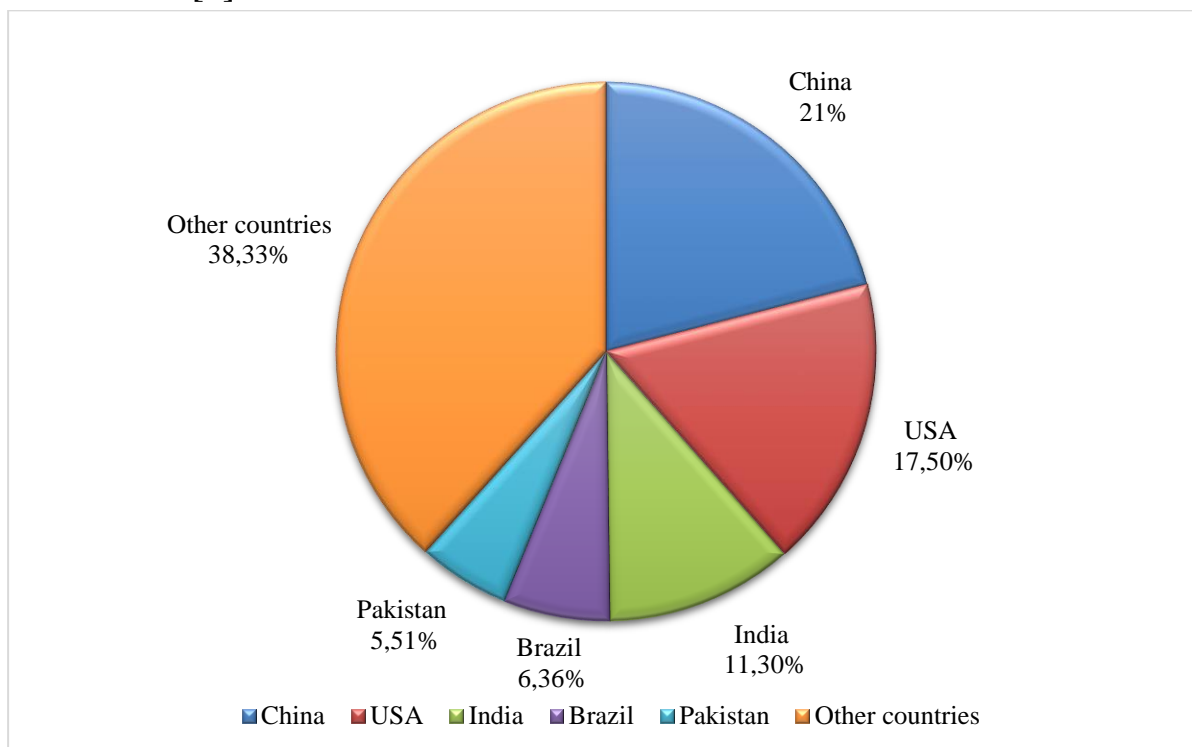

Fig. 8. The share of cotton exporting countries in world exports for 2022.
 Source: [6].

За последние пять лет наблюдается изменение рейтинга стран-лидеров по экспорту хлопка. В 2018 г. лидером по экспорту хлопка была Китайская Народная республика, на которую приходилось 23,7 % мирового рынка. Достаточно большую часть рынка также занимали США (14,4 %), Индия (13,8 %), Пакистан (6,23 %), Вьетнам (4,89 %) и Турция (3,43 %) [17]. Однако со временем доля Китая в мировом экспорте хлопка стала падать. Стоит отметить, что в 2019 г. у большинства ведущих стран-экспортеров на мировом рынке уменьшилась доля. Так, доля на мировом рынке у Индии упала до 10,9 %, у Пакистана – до 6,1 %, у Турции – до 3,3 %. Среди ведущих экспортёров доля на мировом рынке увеличилась у Вьетнама (до 5,45 %) и у США (до 14,7 %) [17].

В 2020 г. список ведущих стран не изменился, Китай по-прежнему занимал лидирующее место. Однако стоит заметить, что его «доля на мировом рынке продолжала падать и составляла уже 21,1 %. В этом же году Индии удалось увеличить свою долю на рынке до 12,5 %. Также существенно повысилась доля на мировом рынке хлопка у Бразилии», с 4,97 до 7,03 % [17]. Что касается 2021 г., Китай все также удерживал лидирующие позиции, однако существенно понизилась его доля на мировом рынке (до 19,7 %). В то время как США повысили свою долю до 11,8 %, а Индия до 16,3 % [17].

В 2022 г. ситуация на рынке поменялась. Китай увеличил свою долю мирового рынка хлопка, которая в 2022 г составила 21,1 %, США также увеличили свою долю до 17,5 %. Значительно сократилась доля Индии, до 11,3 % [17].

Что касается импорта, в 2023 г. лидерскую позицию среди стран-импортеров хлопка занимал Бангладеш, у которого было 16 % от всего мирового рынка. Достаточно большую долю на мировом рынке хлопка в 2023 г. также заняли Китай (15 %), Вьетнам (15 %), Пакистан (11 %) и Турция (11 %). На рис. 9 представлена доля, занимаемая основными странами-импортёрами на мировом рынке хлопка [12].

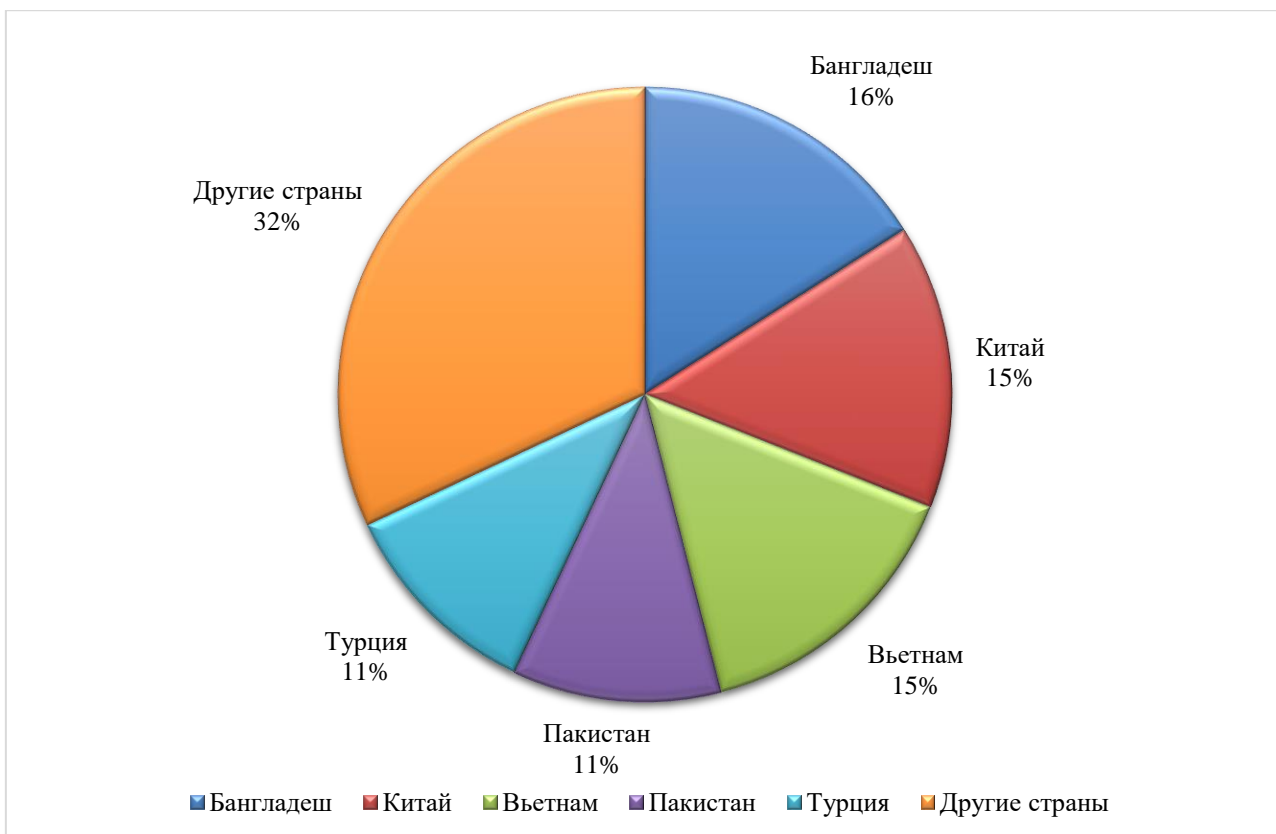

Рис. 9. Доля стран в мировом импорте хлопка за 2023 год, %.

Источник: [12].

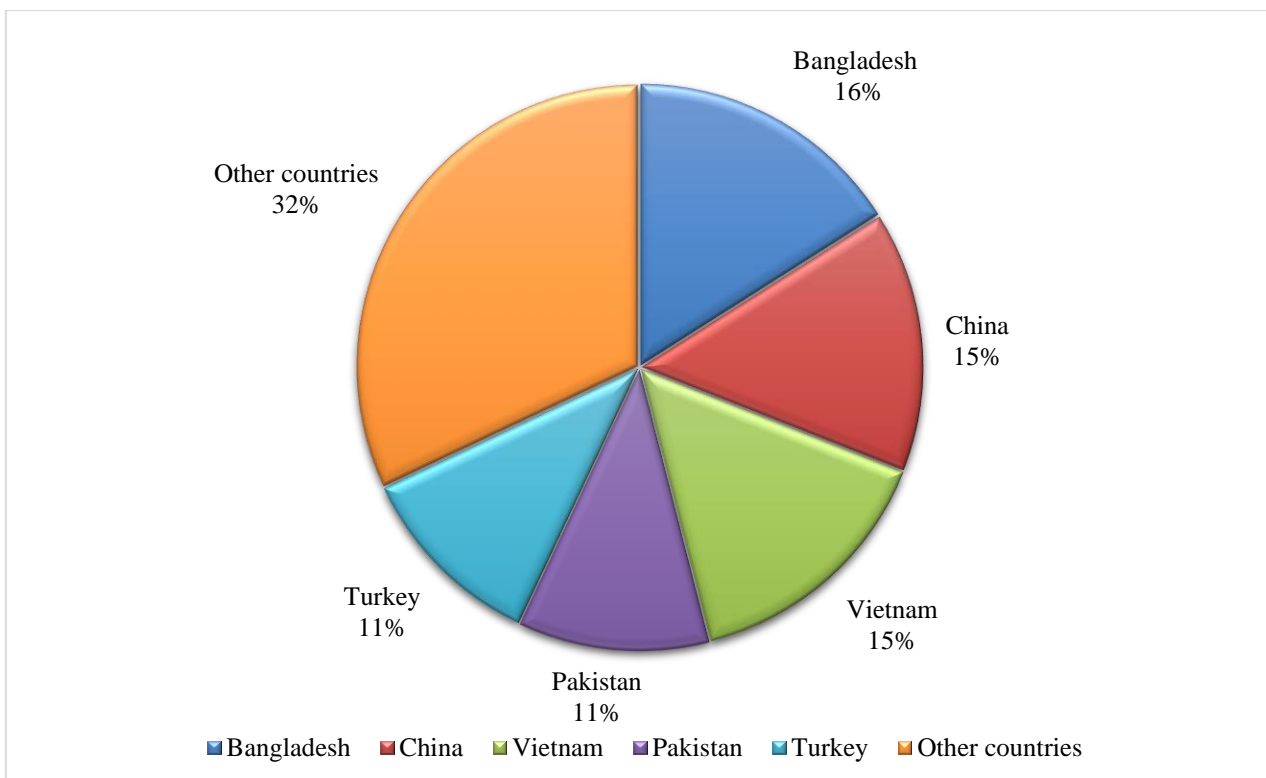

Fig. 9. The share of cotton importing countries in world imports, 2023, %.

Source: [12].

Анализируя статистику по импорту хлопка за последние 5 лет, можно отметить следующие тенденции.

Во-первых, в течение 4 лет на первом месте по импорту хлопка находился Китай. С каждым годом его доля на мировом рынке росла, однако в 2021 г. резко упала, а уже в 2022 г. на первое место вышел Бангладеш, заняв 13,9 % от мирового рынка [18].

Во-вторых, до 2020 г. в топ-5 лидеров по импорту хлопка входили Китай, Бангладеш, Вьетнам, Турция и Индонезия. Однако в 2020 г. Индонезию сместил Пакистан, удельный вес которого составил 4,72 % от мирового импорта.

В-третьих, существенные изменения произошли с позицией Турции в международной торговле хлопком. За пять лет ее доля увеличилась с 4,3 % до 6,7 %. Также повысилась доля Вьетнама в мировом импорте с 8,26 % в 2018 г. до 8,46 % в 2022 г. [18].

В течение пяти лет страны-лидеры как увеличивают, так и уменьшают свою долю на мировом рынке, однако новых участников экономических отношений на рынке не наблюдается.

Мировые цены на хлопок формируются на товарных биржах, в значительной степени зависят от длины волокна. Эталонный фьючерсный контракт торгуется на межконтинентальной товарной бирже в Лондоне, также крупными центрами биржевой торговли хлопком являются США, Турция, Китай и др. Стоит отметить, что около 20 % хлопка поступает на мировой рынок из Китая, при этом большую часть китайского хлопка (84 %) производят именно в Синьцзяне. Мировые цены снизились с 82,16 долл. за фунт в 2018 г. до 64,8 долл. в 2020 г. и взлетели до 93,2 долл. за фунт в постпандемийном 2021 г. [10; 13; 14]. Прирост цен в сравнении с предыдущим годом составил почти 40 %. Наложение США эмбарго на китайский хлопок отразилось на мировой конъюнктуре, так как в результате принятия данного закона, доля экспорта Китая на мировом рынке значительно упала, а США увеличили экспорт своего более дорогого хлопка. Данная ситуация повлияла на повышение цен на хлопок по всему миру.

Также на рост цен повлияли неблагоприятные метеоусловия у ряда производителей хлопка, в частности, в Китае и Индии. В Индии, помимо жары в 50°C, выпало рекордное количество дождевых осадков и произошло нашествие насекомых-вредителей, что оказало негативное влияние на урожай хлопка [14]. В Китае летом 2022 г. наблюдалась аномальная засуха, власти вынуждены были вызывать искусственные дожди [9]. В США засуха разорила некоторые фермы, что привело к снижению объемов производства. Бразилия также столкнулась с экстремальной жарой и засухой [8].

В условиях продолжающегося роста мирового спроса на хлопок и сокращения запасов во всем мире мировая цена на хлопок в 2022 г. достигла 118 центов/фунт – самого высокого уровня с 2010 г. (164 цента/фунт). По прогнозам, до 2030 г. она будет снижаться и находиться в диапазоне 88–105 центов за фунт [10].

Заключение

По итогам конъюнктурного исследования мы пришли к следующим выводам.

Половина мирового производства хлопка приходится на две страны с наибольшей численностью населения, располагающими природными условиями для выращивания и переработки хлопка, с развитой текстильной промышленностью – Китай и Индия, примерно в равной пропорции. Крупными производителями являются США и Бразилия (по 13 % мирового выпуска). США отличаются высоким уровнем инноваций в агротехнике хлопчатника. Относительной технологической отсталостью, хотя и большими посевными площадями, характеризуется выращивание хлопка в Индии. Неравномерная динамика производства объясняется периодически случающимися стихийными бедствиями. Тем не менее, за последние пять лет можно определить тренды на стабилизацию производства хлопка в Китае, сокращение в Индии и США. В Бразилии и Австралии производства хлопка медленно увеличивается.

Более половины мирового потребления хлопка приходится на Китай и Индию (32 % и 22 % соответственно). Пакистан, Турция и Бангладеш

потребляют по 7-8 % мировых объемов. Отчетливо выражен тренд снижения потребления в крупнейших странах-потребителях.

В мировом экспорте лидируют США и Китай, между которыми разворачиваются торговые войны и жесткая конкуренция за лидерство.

Резкое падение и последовавший за ним рекордный рост цен на хлопок вызваны временными нециклическими факторами, неблагоприятными погодными условиями и торговым эмбарго США. Поэтому в последующие годы прогнозируется плавное снижение мировых цен на товарных биржах.

В качестве основных факторов формирования конъюнктуры мирового рынка хлопка были выявлены: относительное снижение спроса на хлопок в связи с переориентацией текстильной промышленности на искусственные ткани и волокна как более конкурентоспособные по цене; повышение уровня механизации выращивания и сбора хлопка, внедрение цифровых технологий для контроля на всех этапах производства; ужесточение экологических стандартов и требований, применение водо-сберегающих технологий; фактор неопределенности, связанный со стихийными бедствиями и технологическими изменениями; торговые ограничения и протекционистские меры конкурентов.

Список литературы

1. Васильева Е.Р. Современное состояние мирового рынка хлопка и перспективы развития хлопководства в Узбекистане / Гуманитарная миссия общественности на пороге нового индустриального общества: Сборник статей международного научного форума. – Уфа, 2020. – С. 502-506.
2. Ведущие страны, где выращивают хлопок и производят хлопчатобумажные ткани // Amadey Print [Электронный ресурс]. URL: www.amadey-print.ru/articles/vedushchie-strany-gde-vyrashchivayut-khlopok/ (дата обращения: 16.04.2024).
3. Мировое производство хлопка по странам // Atlasbig [Электронный ресурс]. URL: www.atlasbig.com/ru/strany-po-proizvodstvu-hlopka (дата обращения: 16.04.2024).

4. Мировой рынок хлопка. Последние тенденции, прогнозы и изменения политики // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. – 2021. – № 41 [Электронный ресурс]. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/5b8b3563-4a47-4190-8387-3864391b2a8a/content> (дата обращения: 16.04.2024).
5. Пакистан под водой и рост цен на хлопок [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Yuxl-J7VzASZ6yDp> (дата обращения: 16.04.2024).
6. Хлопок. Импорт и Экспорт // TrendEconomy, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2/52 (дата обращения: 16.04.2024).
7. Australia Cotton Production by Year // Indexmundi [Электронный ресурс]. URL: www.indexmundi.com/agriculture/?country=br&commodity=cotton&graph=production (дата обращения: 06.05.2024).
8. Brazil Cotton Production by Year // Indexmundi [Электронный ресурс]. URL: www.indexmundi.com/agriculture/?country=br&commodity=cotton&graph=production (дата обращения: 06.05.2024).
9. China Cotton Production by Year // Indexmundi - [Электронный ресурс]. URL: www.indexmundi.com/agriculture/?country=cn&commodity=cotton&graph=production (дата обращения: 06.05.2024).
10. Cotton prices and sustainability // IISD, January 2023 [Электронный ресурс]. URL: www.iisd.org/system/files/2023-01/2023-global-market-report-cotton.pdf (дата обращения: 16.04.2024).
11. How much cotton does America grow and where? // Cottonmill [Электронный ресурс]. URL: www.cottonmill.com/how-much-cotton-does-america-grow-and-where/ (дата обращения: 16.04.2024).
12. Regional and country level cotton statistics // Icac [Электронный ресурс]. URL: https://icac.shinyapps.io/ICAC_Open_Data_Dashbooard/# (дата обращения: 06.05.2024).
13. India Cotton Production by Year // Indexmundi [Электронный ресурс]. URL: www.indexmundi.com/agriculture/?country=in&commodity=cotton&graph=production (дата обращения: 06.05.2024).

14. Global Cotton market Analysis // Markwideresearch [Электронный ресурс]. URL: <https://markwideresearch.com/global-cotton-market/> (дата обращения: 16.04.2024).
15. Leading cotton producing countries worldwide in 2022/2023 // Statista [Электронный ресурс]. URL: www.statista.com/statistics/263055/cotton-production-worldwide-by-top-countries/ (accessed: 16.04.2024).
16. Top cotton exporting countries 2022/2023 // Statista [Электронный ресурс]. URL: www.statista.com/statistics/191895/leading-cotton-exporting-countries/ (дата обращения: 16.04.2024).
17. United States Cotton Area, Yield and Production // Ipad [Электронный ресурс]. URL: <https://ipad.fas.usda.gov/countrysummary/Default.aspx?id=US&crop=Cotton> (дата обращения: 16.04.2024).
18. United States Cotton Production by Year // Indexmundi [Электронный ресурс]. URL: www.indexmundi.com/agriculture/?country=us&commodity=cotton&graph=production (дата обращения: 06.05.2024).
19. Which countries export Cotton (2018) // ОЕС [Электронный ресурс]. URL: https://оес.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/show/all/1152/2018 (дата обращения: 20.04.2024).
20. Which countries import Cotton (2018) // ОЕС [Электронный ресурс]. URL: https://оес.world/en/visualize/tree_map/hs92/import/show/all/1152/2018 (дата обращения: 20.04.2024).

References

1. Vasilieva E.R. Sovremennoe sostoyanie mirovogo rynka khlopka i perspektivy razvitiya khlopkovodstva v Uzbekistane [Current state of the world cotton market and prospects for the development of cotton growing in Uzbekistan]. Gumanitarnaya missiya obschestvoznaniya na poroge novogo industrialnogo obschestva: Sbornik statej mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, Ufa, 2020, pp. 502-506.
2. Veduschie strany, gde vyraschivayut khlopok i proizvodyat khlopchatobumazhnye tkani [Leading countries where cotton is grown and cotton fabrics are produced]. Amadey-print. Available at: www.amadey-

print.ru/articles/vedushchie-strany-gde-vyrashchivayut-khlopok/ (accessed: 04.16.2024).

3. Mirovye proizvodstvo khlopka po stranam [World cotton production by country]. Atlasbig. Available at: www.atlasbig.com/ru/strany-po-proizvodstvu-hlopka (accessed: 04.16.2024).

4. Mirovoj rynek hlopka. Poslednie tendentsii, prognozy i izmeneniya politiki [World cotton market. Latest trends, forecasts and policy changes 2021]. Prodovolstvennaya i selskohozyaistvennaya organizatsiya Obedinennyh Natsiy, 2021, no. 41. Available at: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/5b8b3563-4a47-4190-8387-3864391b2a8a/content> (accessed 04.16.2024).

5. Pakistan pod vodoj i rost tsen na khlopok [Pakistan under water and rising cotton prices]. Available at: <https://dzen.ru/a/Yyx1-J7VzASZ6yDp> (accessed: 04.16.2024).

6. Hlopok. Import i Eksport [Cotton. Import and Export]. Trendeconomy, 2023. Available at: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2/52 (accessed 04.16.2024).

7. Australia Cotton Production by Year. Indexmundi. Available at: www.indexmundi.com/agriculture/?country=au&commodity=cotton&graph=production (accessed: 06.05.2024).

8. Brazil Cotton Production by Year. Indexmundi. Available at: www.indexmundi.com/agriculture/?country=br&commodity=cotton&graph=production (accessed: 06.05.2024).

9. China Cotton Production by Year. Indexmundi. Available at: www.indexmundi.com/agriculture/?country=cn&commodity=cotton&graph=production (accessed: 06.05.2024).

10. Cotton prices and sustainability. Iisd. January 2023. Available at: www.iisd.org/system/files/2023-01/2023-global-market-report-cotton.pdf (accessed: 16.04.2024).

11. How much cotton does America grow and where? Cottonmill. Available at: www.cottonmill.com/how-much-cotton-does-america-grow-and-where/ (accessed: 16.04.2024).

12. Regional and country level cotton statistics. Icac. Available at: https://icac.shinyapps.io/ICAC_Open_Data_Dashboar/# (accessed: 06.05.2024).
13. India Cotton Production by Year. Indexmundi. Available at: www.indexmundi.com/agriculture/?country=in&commodity=cotton&graph=production (accessed: 06.05.2024).
14. Global Cotton market Analysis. Markwideresearch. Available at: <https://markwideresearch.com/global-cotton-market/> (accessed: 16.04.2024).
15. Leading cotton producing countries worldwide in 2022/2023. Statista. Available at: www.statista.com/statistics/263055/cotton-production-worldwide-by-top-countries/ (accessed: 16.04.2024).
16. Leading cotton exporting countries 2022/2023. Statista. Available at: www.statista.com/statistics/191895/leading-cotton-exporting-countries/ (accessed: 16.04.2024).
17. United States Cotton Area, Yield and Production. Ipad. Available at: <https://ipad.fas.usda.gov/countrysummary/Default.aspx?id=US&crop=Cotton> (accessed: 16.04.2024).
18. United States Cotton Production by Year. Indexmundi. Available at: www.indexmundi.com/agriculture/?country=us&commodity=cotton&graph=production (accessed: 06.05.2024).
19. Which countries export Cotton (2018). OEC. Available at: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/show/all/1152/2018 (accessed: 20.04.2024).
20. Which countries import Cotton (2018) [Electronic resource]. OEC. Available at: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/import/show/all/1152/2018 (accessed: 20.04.2024).

©Агабабаева Н.М., Лебедева Т.Э., Левченко К.Р., Капустина Л.М., 2024.

Новая валютная система в рамках БРИКС: суть, цели и перспективы

Блинов Антон Игоревич,

Секачева Алла Борисовна,

Дипломатическая академия МИД РФ,

119021, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1

Статья посвящена анализу инициатив стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) по созданию новой валютной системы. Авторы рассматривают планы стран-участниц по укреплению своей экономической независимости и увеличению роли в мировой финансовой системе. В статье подробно обсуждаются перспективы создания новой расчётной единицы, которая может стать аналогом SWIFT, а также планы по формированию единой платёжной системы. Особое внимание уделяется анализу вызовов и проблем, с которыми сталкиваются страны БРИКС на пути к реализации этих инициатив. Авторы подчёркивают, что создание новой валютной системы может стать важным шагом на пути к укреплению экономического суверенитета стран БРИКС и повышению их влияния в мировой экономике. Однако реализация этих планов требует тщательной проработки и согласования между всеми участниками объединения. Статья представляет собой углублённый анализ инициатив стран БРИКС по созданию новой валютной системы и может быть полезна для специалистов в области международных отношений, экономики и финансов.

Ключевые слова: БРИКС, новая валютная система, дедолларизация, международные расчеты, экономическая независимость.

JEL коды: F31, F33, F36, F50, F52.

The new monetary system within the framework of the BRICS: the essence, goals and prospects

Blinov Anton Igorevich,

Sekacheva Alla Borisovna,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

119021, Moscow, Ostozhenka str., 53/2, bld. 1

The article analyzes the initiatives of the BRICS countries (Brazil, Russia, India, China and South Africa) to create a new monetary system. The authors consider the plans of the participating countries to strengthen their economic independence and increase their role in the global financial system. The article discusses in detail the prospects for creating a new unit of account, which can

become an analogue of SWIFT, as well as plans for the formation of a unified payment system. Special attention is paid to the analysis of the challenges and problems faced by the BRICS countries on the way to the implementation of these initiatives. The authors emphasize that the creation of a new monetary system can be an important step towards strengthening the economic sovereignty of the BRICS countries and increasing their influence in the global economy. However, the implementation of these plans requires careful study and coordination between all participants of the association. The article is an in-depth analysis of the initiatives of the BRICS countries to create a new monetary system and may be useful for specialists in the field of international relations, economics and finance.

Keywords: BRICS, new monetary system, de-dollarization, international settlements, economic independence.

Введение

В последние годы страны БРИКС – Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка – выступают на мировой арене с инициативами по изменению существующего финансового порядка. Они стремятся создать альтернативные механизмы международных расчетов и сблизить свои экономики через новые валютные и платежные системы. Это вызвано не только стремлением к экономической независимости, но и нежеланием оставаться вне курса в условиях глобальных финансовых тенденций.

Актуальность темы создания новой валютной системы БРИКС обусловлена стремлением стран-участниц к усилению экономической независимости и преодолению доминирования доллара США в международных расчетах. Исследование фокусируется на изучении инициатив и вызовов, связанных с формированием новой валютной единицы и платежной системы в рамках БРИКС. Работа построена следующим образом: сначала анализируются предпосылки и актуальность, далее проводится обзор литературы, затем детально рассматриваются текущие инициативы и их перспективы. Цель исследования – выявить, как новая валютная система может повлиять на экономическую устойчивость стран БРИКС и глобальную финансовую систему.

Тема новой валютной системы БРИКС активно исследуется экономистами и политологами во всем мире. Опубликовано множество статей, докладов и

рабочих бумаг, посвященных этой теме. Исследователи анализируют потенциальные преимущества и риски новой системы, а также разрабатывают варианты ее реализации. Среди экономистов, частично исследовавших данную тематику, выделим Лексютину Я.В. [6], Молчанова А.В., Смирнов Ф.А. [3], Baumann R. [9]. Данные авторы преимущественно анализируют эффект от введения новой валюты на мировую финансовую систему.

Новизна статьи заключается в том, что авторы более детально рассмотрели суть валюты БРИКС, её смысл и принцип работы.

БРИКС: тенденции и перспективы

В последние годы в мировых СМИ часто говорят о грядущих изменениях в мировой финансовой системе. Речь идёт о курсе некоторых стран, включая Россию, на дедолларизацию национальных экономик (отказ от доллара во взаимных расчетах и полноценный переход на национальные валюты) и форсирование изменения нынешней международной валютно-финансовой системы с целью создания собственных механизмов для обеспечения устойчивого развития, которое будет защищено от диктата извне [2]. Данному курсу следуют и страны-участницы БРИКС.

В середине января 2023 г. министр иностранных дел ЮАР Наледи Пандор заявила, что БРИКС планирует и ищет возможность заменить платежи в долларах на «более справедливую» систему денежного обмена. Несправедливость, с её слов, заключается в отсутствии выгоды в расчётах для бедных стран, в то время как богатые страны являются бенефициарами.

Создание новой валютной системы в рамках БРИКС открывает перед странами группы широкие перспективы для укрепления их позиций в мировой экономике. Переход к использованию национальных валют в международных расчетах и создание альтернативных платежных инструментов позволят снизить зависимость от доллара и других резервных валют, что повысит финансовую стабильность и устойчивость стран-участниц. Более того, установление новой

валютной системы может стать основой для создания собственных правил игры международной финансовой системы, с учетом интересов развивающихся стран.

В действительности, такая идея впервые появилась на полях дискуссионного клуба «Валдай», где предложили создать корзины валют наподобие СДР [5] (специальных прав заимствования), состоящей из национальных валют стран БРИКС, под названием R5 (исходя из названия пяти валют стран – членов БРИКС: real, rouble, rupee, renminbi, rand).

Новая валюта БРИКС не будет единой валютой, как в еврозоне, а скорее будет являться расчётной единицей, которой могут выражаться стоимости товарных поставок, бенчмарки по ключевым экспортными позициям с тем, чтобы не зависеть от единой валюты или какого-либо эмиссионного центра. Однако некоторые экономисты не отрицают и того, что в долгосрочной перспективе она могла бы стать средством расчетов и даже получить статус резервной валюты не только для стран БРИКС, но и для других государств [1]. Предполагается, что стоимость новой валюты будет определяться на основе корзины валют стран-участниц валютного союза.

Стоит отметить, что ещё в 2014–2015 гг. союз начал задумываться о мировых изменениях. Созданный в 2014 г. Новый банк развития БРИКС за время своего существования выпустил облигации в южноафриканских рэндах, а также в 2023 г. планировалось появление ценных бумаг в рупиях, на очереди – Бразилия, Россия, ОАЭ. Кредитование и финансирование проектов планируется проводить в собственных денежных единицах – это ослабит зависимость стран от доллара и евро, а значимость валют БРИКС в международной финансовой системе возрастет [4]. В начале 2023 г. рейтинговые агентства S&P Global Ratings и Fitch Ratings присвоили долгосрочный кредитный рейтинг Новому банку развития на уровне AA+, что открыло возможность привлечения финансирования на международных рынках капитала.

В 2015 г. министры финансов БРИКС обсудили идею создания аналога платежной системе SWIFT. По словам замглавы МИД России Сергея Рябкова, речь идет о возможности создания многосторонней платежной системы в

формате объединения, которая бы обеспечивала большую независимость, а точнее создавала бы определенную гарантию для стран от рисков, связанных с произвольными решениями в этой сфере, которые могут приниматься странами, в юрисдикции которых находятся действующие платежные системы.

Кроме этих двух систем, существует также инициатива BRICS Pay, подразумевающая под собой единую платёжную систему безналичных расчётов с использованием национальных валют стран БРИКС. Пилотный проект уже стартовал в 2019 г. в ЮАР, а полноценное функционирование, по заявлениям директора Института по исследованию БРИКС Бинод Сингх Аятшатру в интервью в 2020 г., ожидается к 2025 г.

На текущий момент страны БРИКС представляют собой значимое объединение на мировой арене (табл. 1). В число государств-членов, кроме прочих, входят несколько стран из списка 10 крупнейших экономик мира. Согласно прогнозам международного агентства Statista, совокупный ВВП пяти основных членов БРИКС, после падения в 2022–2023 гг. на 0,15 %, в 2024 г. должен увеличиться до уровня в 27236,32 млрд долл. США, что означает прирост на 5,6 % [8].

Таблица 1

Экономические показатели стран БРИКС 2022 г.

Показатель	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
Номинальный ВВП, млрд \$	1890	2130	3470	18 320	411
Место по ВВП в мире	12	9	5	2	39
Численность населения, млн человек	215,9	144,6	1417	1412	60,2
Место по численности населения в мире	7	9	1	2	24
Уровень инфляции, декабрь 2022 г., %	5,79	11,90	5,72	1,80	7,20
Темпы роста ВВП в 2022 г., %	3,60	-3,7	6,30	2,90	4,10
Государственный долг к ВВП, %	80,27	18,20	89,26	76,90	69,90
Торговый баланс, млрд \$	4,78	21,17	-23,76	78,01	0,454
Золотовалютные резервы (ЗВР), млн \$	324,7	581,9	573,7	3128	60,6
Место по объему ЗВР в мире	11	5	6	1	39

Источник: составлено авторами по данным [7; 10, 11].

Table 1

Economic indicators of the BRICS countries in 2022

Indicators	Brasil	Russia	India	China	RSA
Nominal GDP, billion dollars	1890	2130	3470	18 320	411
Place by GDP in the world	12	9	5	2	39
Population, million people	215,9	144,6	1417	1412	60,2
The world's largest population	7	9	1	2	24
Inflation rate, December 2022, %	5,79	11,90	5,72	1,80	7,20
GDP growth rates in 2022, %	3,60	-3,7	6,30	2,90	4,10
Government debt to GDP, %	80,27	18,20	89,26	76,90	69,90
Trade balance, billion dollars	4,78	21,17	-23,76	78,01	0,454
Gold and foreign exchange reserves (gold reserves), mln \$	324,7	581,9	573,7	3128	60,6
The place in terms of gold reserves in the world	11	5	6	1	39

Source: compiled by the authors according to the data [7; 10, 11].

На пути к реализации этих амбициозных целей БРИКС сталкивается с рядом серьезных вызовов. В частности, необходимо преодолеть технические и организационные сложности при создании новых финансовых инструментов и систем, а также обеспечить единство действий между участниками группировки. Кроме того, возникают вопросы о том, как обеспечить стабильность и надежность новых механизмов в условиях мировой конкуренции и геополитических противоречий. Рассмотрение перспектив новой валютной системы указывает на необходимость включения стран Глобального Юга в данную инициативу. Это позволило бы усилить влияние БРИКС на мировую финансовую архитектуру. Кроме того, развитие технологий, таких как блокчейн, может стать основой для построения более прозрачной и устойчивой системы международных расчетов.

В этом контексте сотрудничество между странами-участницами БРИКС приобретает особое значение. Объединение усилий и обмен опытом позволяют преодолевать сложности, с которыми сталкиваются отдельные страны, и

создавать более эффективные механизмы совместной работы. Важно также активизировать дипломатические усилия для продвижения идей и инициатив БРИКС на международной арене, чтобы обеспечить поддержку со стороны других стран и международных организаций.

Перспективы создания и развития новой валютной системы БРИКС становятся все более актуальными в условиях стремительных изменений мировой финансовой архитектуры. Успешная реализация этой инициативы способна привести к ряду позитивных сдвигов как для стран-участниц, так и для всей глобальной экономики.

Одной из ключевых перспектив является дедолларизация международных расчетов. Введение расчетной единицы R5 или другой корзины валют БРИКС создаст альтернативу доллару и евро, что позволит странам группы снизить свою финансовую уязвимость к санкционным рискам и колебаниям курсов западных валют.

Такой шаг также усилит доверие к национальным валютам стран БРИКС на международной арене, что в долгосрочной перспективе может способствовать стабилизации их обменных курсов и увеличению их доли в международных расчетах.

Введение единой расчетной единицы и развитие общей платежной системы (например, BRICS Pay) позволят значительно упростить взаимные расчеты между странами объединения. Это, в свою очередь, будет стимулировать рост торговли, сокращение транзакционных издержек и развитие новых форм кооперации, например, через долгосрочные контракты, привязанные к расчетной единице БРИКС.

Прогнозы показывают, что увеличение объемов взаимной торговли может ускорить темпы экономического роста всех стран объединения, повысив их конкурентоспособность на глобальном рынке.

Использование современных технологий, таких как блокчейн, искусственный интеллект и цифровые платформы, открывает новые горизонты для стран БРИКС. Эти технологии могут стать основой новой валютной

системы, обеспечивая прозрачность, безопасность и снижение издержек. Например, система международных расчетов, построенная на блокчейне, обеспечит невмешательство третьих сторон, прозрачность и автоматизацию процессов, что повысит эффективность платежей. Успех в реализации этих проектов позволит БРИКС стать лидером в области финансовых технологий.

БРИКС может стать платформой для поддержки развивающихся экономик. Привлечение дополнительных стран Глобального Юга к участию в валютной системе (например Аргентины, Саудовской Аравии или Турции), создаст новый полюс экономической силы. Расширение охвата системы усилит устойчивость объединения, снизит барьеры на пути интеграции развивающихся стран в мировую экономику и предоставит им доступ к более справедливым условиям международной торговли.

В долгосрочной перспективе расчетная единица БРИКС может получить статус резервной валюты, что укрепит её позиции на мировых финансовых рынках. Успех этого процесса будет зависеть от экономической и политической стабильности стран-участниц, а также от их способности предлагать надежные механизмы поддержки новой валюты. Более того, статус резервной валюты укрепит позиции стран БРИКС как равноправных участников мировой финансовой системы, обеспечивая стабильность международной торговли и снижая риски валютных кризисов.

Разработка и внедрение новых финансовых инструментов, таких как единая платежная система или межбанковская сеть, способствуют созданию устойчивой финансовой инфраструктуры. Это обеспечит более широкие возможности для привлечения инвестиций и стимулирования экономического роста. Новый банк развития БРИКС уже стал значимой платформой для финансирования совместных проектов. Продвижение аналогичных инициатив в рамках валютной системы создаст дополнительные стимулы для экономической кооперации.

Реализация инициатив БРИКС может изменить баланс сил в мировой экономике. Становление новой валютной системы укрепит позиции

развивающихся стран в международных финансовых институтах, таких как МВФ или Всемирный банк. Это позволит им продвигать свои интересы на мировой арене и обеспечить более справедливое распределение финансовых ресурсов, учитывающее потребности стран с различным уровнем развития.

Создание новой валютной системы может повысить устойчивость стран БРИКС к внешним экономическим шокам. В условиях глобальной нестабильности наличие независимых механизмов расчетов и собственной расчетной единицы станет важным элементом защиты национальных экономик. Например, в случае кризиса в западных финансовых системах страны БРИКС смогут поддерживать взаимную торговлю и инвестиции, не завися от нестабильных мировых резервных валют.

Валютная система БРИКС может стать инструментом для продвижения проектов, связанных с устойчивым развитием и климатической повесткой. Это особенно важно в условиях глобальной борьбы с изменением климата. Страны-участницы смогут использовать ресурсы новой системы для финансирования зелёных проектов и инфраструктуры, что повысит их устойчивость к экологическим вызовам и создаст дополнительные стимулы для привлечения международных партнеров.

Инициативы стран БРИКС по созданию новой валютной системы и альтернативных международных платежных механизмов отражают стремление объединения к укреплению экономической независимости и созданию более справедливой мировой финансовой системы. Эти проекты обладают потенциалом стать важным шагом на пути к трансформации глобальной экономической архитектуры.

Однако, чтобы превратить амбициозные планы в реальность, необходимо преодолеть значительные вызовы. Среди них — согласование интересов всех стран-участниц, разработка технически надежных и прозрачных решений, а также противодействие со стороны существующих финансовых структур. Важно, чтобы каждая из стран-участниц получила ощутимые преимущества от

участия в новой системе, что требует учёта национальных особенностей и выработки сбалансированных подходов.

Несмотря на эти сложности, перспективы представляются весьма обнадеживающими. Создание собственной валютной системы способно укрепить экономическую устойчивость стран БРИКС, снизить их зависимость от западных финансовых инструментов и предоставить платформу для продвижения интересов развивающихся стран на международной арене. В долгосрочной перспективе успех этих инициатив может привести к созданию нового полюса экономического влияния, что в значительной степени изменит мировую финансовую систему.

Заключение

Инициативы стран БРИКС по созданию новой валютной системы и альтернативных международных платёжных систем не только отражают их стремление к экономической независимости, но и имеют потенциал изменить глобальный финансовый порядок в целом. Эти шаги являются ответом на вызовы, с которыми сталкиваются развивающиеся экономики, включая неравные условия международных расчетов и санкционные угрозы, а также на желание расширить свою роль и влияние в мировой экономике.

Однако, чтобы эти инициативы стали действительно эффективными, необходимо преодолеть ряд препятствий, включая политическую координацию между участниками, техническую реализацию новых систем, а также преодоление сопротивления со стороны существующих финансовых структур. Кроме того, участие в таких проектах должно приносить выгоду всем странам-участницам и поэтому важно сбалансировать интересы и учесть особенности каждой экономики.

Несмотря на эти вызовы, перспективы создания новой валютной системы и альтернативных платёжных инфраструктур в рамках БРИКС остаются многообещающими. Успех этих инициатив может способствовать укреплению мировой финансовой стабильности, содействовать развитию стран-участниц и создать более справедливые условия для международной торговли, в связи с чем

важно продолжать работу над этими проектами и поддерживать диалог между странами-участницами и мировым сообществом в целом.

Список литературы

1. Романович Р., Городилов М. Когда появится новая валюта БРИКС и как она повлияет на рубль // Тинькофф.Журнал [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/brics-currency/> (дата обращения: 02.05.2024).
2. Лавров пообещал обсудить на саммите БРИКС создание новой валюты // РБК.Новости [Электронный ресурс]. URL: www.rbc.ru/economics/25/01/2023/63d174ca9a79477141f3e2c5 (дата обращения: 02.05.2024).
3. Молчанов А.В., Смирнов Ф.А. Формирование валюты БРИКС – проблемы и перспективы в рамках трансформации мировой валютно-финансовой системы // Экономическая безопасность. – 2024. – Т. 7. – № 1. – С. 155-174. DOI: 10.18334/ecsec.7.1.120210.
4. Дембинская Н. Новая сила: БРИКС переходит на расчеты и кредиты в собственных валютах // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230826/briks-1892291498.html> (дата обращения: 02.05.2024).
5. Специальные права заимствования // МВФ [Электронный ресурс]. URL: www.imf.org/ru/About/Factsheets/Sheets/2023/special-drawing-rights-sdr (дата обращения: 02.05.2024).
6. Лексютина Я В. Усилия БРИКС по изменению мировой валютно-финансовой системы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016 – № 11. – С. 143-157.
7. GDP, current prices // IMF [Электронный ресурс]. URL: www.imf.org/external/datamapper/NGDPD@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD/CHN (дата обращения: 02.05.2024).
8. Gross domestic product (GDP) of the BRICS countries from 2000 to 2028 // Statista [Электронный ресурс]. URL: www.statista.com/statistics/254281/gdp-of-the-bric-countries/ (дата обращения: 02.05.2024).

9. Baumann R. The BRICS alternatives to the US dollar // chinadaily.com.cn [Электронный ресурс]. URL: www.chinadaily.com.cn/a/202308/01/WS64c86c42a31035260b819a46.html (дата обращения: 02.05.2024).
10. Trading economics [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/> (дата обращения: 02.05.2024).
11. World Population by Country 2024 (Live) // World Population Review [Электронный ресурс]. URL: <https://worldpopulationreview.com/> (дата обращения: 02.05.2024).

References

1. Romanovich R., Gorodilov M. Kogda poyavitsya novaya valyuta BRIKS i kak ona povliyaet na rubl [When will the new BRICS currency appear and how will it affect the ruble]. Tinkoff.Journal. Available at: www.journal.tinkoff.ru/news/brics-currency/ (accessed: 02.05.2024)
2. Lavrov poobeschhal obsudit na sammite BRIKS sozdanie novej valyuty [Lavrov promised to discuss the creation of a new currency at the BRICS summit]. RBC. Available at: www.rbc.ru/economics/25/01/2023/63d174ca9a79477141f3e2c5 (accessed: 02.05.2024)
3. Molchanov A., Smirnov F. Formirovanie valyuty BRIKS – problemy i perspektivy v ramkah transformatsii mirovoj valyutno-finansovoj sistemy [The formation of the BRICS currency – problems and prospects in the framework of the transformation of the global monetary and financial system]. Ekonomicheskaya Bezopasnost, vol. 7, no. 1, pp. 155–174. DOI: 10.18334/ecsec.7.1.120210 (accessed 02.05.2024)
4. Dembinskaya N. Novaya sila: BRIKS perehodit na raschety i kredity v sobstvennyh valyutah [A new force: BRICS is switching to settlements and loans in its own currencies]. RIA News. Available at: www.ria.ru/20230826/briks-1892291498.html (accessed: 02.05.2024)
5. Spetsialnye prava zaimstvovaniya [Special drawing rights]. IMF. Available at: www.imf.org/ru/About/Factsheets/Sheets/2023/special-drawing-rights-sdr (accessed: 02.05.2024)

6. Leksyutina Ya.V. Usiliya BRIKS po izmeneniyu mirovoj valyutno-finansovoj sistemy [BRICS efforts to change the global monetary and financial system]. National interests: priorities and security, 2016, no. 11, pp. 143–157.
7. GDP, current prices. IMF. Available at: www.imf.org/external/datamapper/NGDPD@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD/CHN (accessed: 02.05.2024).
8. Gross domestic product (GDP) of the BRICS countries from 2000 to 2028. Statista. Available at: www.statista.com/statistics/254281/gdp-of-the-bric-countries/ (accessed: 02.05.2024).
9. Baumann R. The BRICS alternatives to the US dollar. chinadaily.com.cn. Available at: www.chinadaily.com.cn/a/202308/01/WS64c86c42a31035260b819a46.html (accessed: 02.05.2024).
10. Trading economics. Available at: <https://ru.tradingeconomics.com/> (accessed: 02.05.2024).
11. World Population by Country 2024 (Live). World Population Review. Available at: <https://worldpopulationreview.com/> (accessed: 02.05.2024).

© Блинов Антон Игоревич, Секачева Алла Борисовна, 2024

Особенности взаимной торговли России и стран Африки, 2012-2022 гг.*Неведомская Александра Олеговна,**Яхонтова Полина Игоревна,**Массарова Алёна Рамильевна,**Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН)**117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6*

Статья посвящена исследованию особенностей взаимной торговли товарами между Россией и странами Африки. Осуществлен анализ основных тенденций, динамики торговли за период с 2012 по 2022 год. Определены ключевые товары и торговые партнеры, а также факторы, влияющие на развитие экономических отношений между этими регионами. На основе анализа проведена оценка влияния взаимной внешней торговли странами на экономику обеих сторон, выявлены преимущества и недостатки торгового сотрудничества. В результате проведения исследования сформулированы рекомендации по развитию торговли России со странами Африки.

Ключевые слова: Россия, Африка, торговля, экспорт, импорт, динамика, товары.

JEL коды: R11, O55, F18.

Features of mutual trade between Russia and African countries, 2012-2022*Nevedomskaya Alexandra Olegovna,**Yakhontova Polina Igorevna,**Massarova Alyona Ramilievnna,**Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN)**117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6*

The article is devoted to the study of internal mutual trade in goods between the countries of Europe and Africa. An analysis of the main trends and trade dynamics for the period from 2012 to 2022 was carried out. Key products and trading partners are identified, as well as factors influencing the development of economic relations between other regions. Based on the analysis, an assessment of changes in foreign trade activities in international trade on the international side was carried out, and the advantages and disadvantages of trade cooperation were identified. As a result of the research, recommendations were formulated for the development of Russian trade in African countries.

Keywords: Russia, Africa, trade, export, import, dynamics, goods.

Введение

Взаимная торговля между Россией и странами Африки представляет собой важный аспект внешнеэкономических отношений и имеет значительный потенциал для развития. В настоящее время основным приоритетом внешнеэкономической политики Российской Федерации является углубление торговых и инвестиционных отношений между Россией и африканскими странами в связи с усложнением отношений с традиционными торговыми партнерами, такими как Европа и Северная Америка. Таким образом, сотрудничество с Африкой дает возможность России противостоять введенным санкциям и снизить зависимость от торгово-экономических связей со странами Запада. В связи с этим, анализ особенностей внешней торговли России в страны Африки является весьма актуальным.

Объектом исследования является взаимная торговля товарами между Россией и странами Африки в период с 2012 по 2022 г.

Целью исследования является изучение современного состояния международных экономических отношений России с африканскими странами, определение вызовов и возможностей в контексте торгового сотрудничества.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать динамику внешней торговли России с африканскими странами за период с 2012 по 2022 г.: выявить изменения в региональной структуре торговли, объемы экспорта и импорта.

2. Определить основные товарные группы и провести анализ динамики товарной структуры внешней торговли России и стран Африки с 2012 по 2022 г.

3. Выявить факторы, влияющие на развитие внешней торговли между Россией и африканскими странами.

4. Оценить влияние взаимной внешней торговли странами на экономику обеих сторон: проанализировать зависимость экономик и выявить плюсы и минусы такого сотрудничества.

5. Сформулировать рекомендации по развитию торговли России со странами Африки.

Научная новизна данной работы заключается в том, что в современных условиях трансформации мировой экономики необходимо исследовать тренды и возможности развития международной торговли между Россией и странами Африки. Статья уделяет особое внимание аспектам устойчивого развития и возможностям сотрудничества в рамках текущих геополитических процессов.

Вопросы анализа и определения перспектив внешней торговли России со странами Африки получили особенную популярность среди ученых после введения в 2022 г. странами Европы и Северной Америки санкционных ограничений, направленных против России для ослабления ее влияния на мировой арене и на международном рынке. Российской Федерация была вынуждена переориентировать внешнюю торговлю преимущественно на рынки Африки и Азии. В связи с этим многие научные труды посвящены трансформации внешнеторговых отношений России в сложившихся условиях. Например, в статье Нарбут В. В и Шпаковской Е. П. проводится исследование экспортно-импортных операций до и после введения ограничений, основных показателей торгового баланса, определяют направления развития торговых потоков с дружественными странами [7]. В работе Гогаева Л. О. рассматриваются возможные торговые партнеры России, но наибольшее внимание уделяется странам Азии [3]. Также российские ученые делают акцент на активном участии России в форуме глобального управления БРИКС [1; 10].

Внешняя торговля России со странами Африки является актуальной и малоизученной темой в современной научной литературе. Пока что существует ограниченное количество исследований, посвященных данной теме. В основном анализируются внешнеторговые связи России с конкретной африканской страной, например, в статье Хмелевой Г. А., Гловой А. В. [12] или рассматривается взаимодействие конкретного субъекта РФ с группой стран Африки. Помимо этого, исследуется внешняя торговля по определенным товарным группам, например, в работе Воробьева Н.В., Агаджанян Ж.А., Капишников А.М. [2].

Вышеперечисленные работы не позволяют получить общую картину развития торговых связей между Россией и африканскими странами. В данном же исследовании проводится анализ внешнеэкономической деятельности России в Африке, ее динамики, подробно описываются основные торговые потоки, структура экспорта и импорта, определяются основные проблемы и перспективы развития этой сферы.

Для проведения исследования применены методы экономико-статистического анализа, метод интерпретации графиков и диаграмм на основе официальной статистики в динамике. В процессе работы производился подбор информации из различных источников литературы, анализировались и сопоставлялись факты, осуществлялось их обобщение.

В статье использованы статистические данные об объемах экспорта, импорта и структуре товарооборота между Россией и странами Африки с 2012 по 2022 г., взятые с официального сайта UNCTAD, а также результаты научных исследований в данной области и такие электронные ресурсы, как сайты Евразийской экономической комиссии и Президента РФ.

Динамика региональной структуры внешней торговли Африки и России, 2012–2022 гг.

В 2012 г. объем экспорта из Африки в Россию составил \$1 629 млн, что является 0,51 % от общего объема экспорта Африки за этот год. За десять лет динамика развития экспорта имеет положительный характер: доля экспорта из Африки в Россию увеличилась, хотя и незначительно. В 2022 г. она составила 0,88% (\$1 886 млн.) от общего объема экспорта Африки (рис.1).

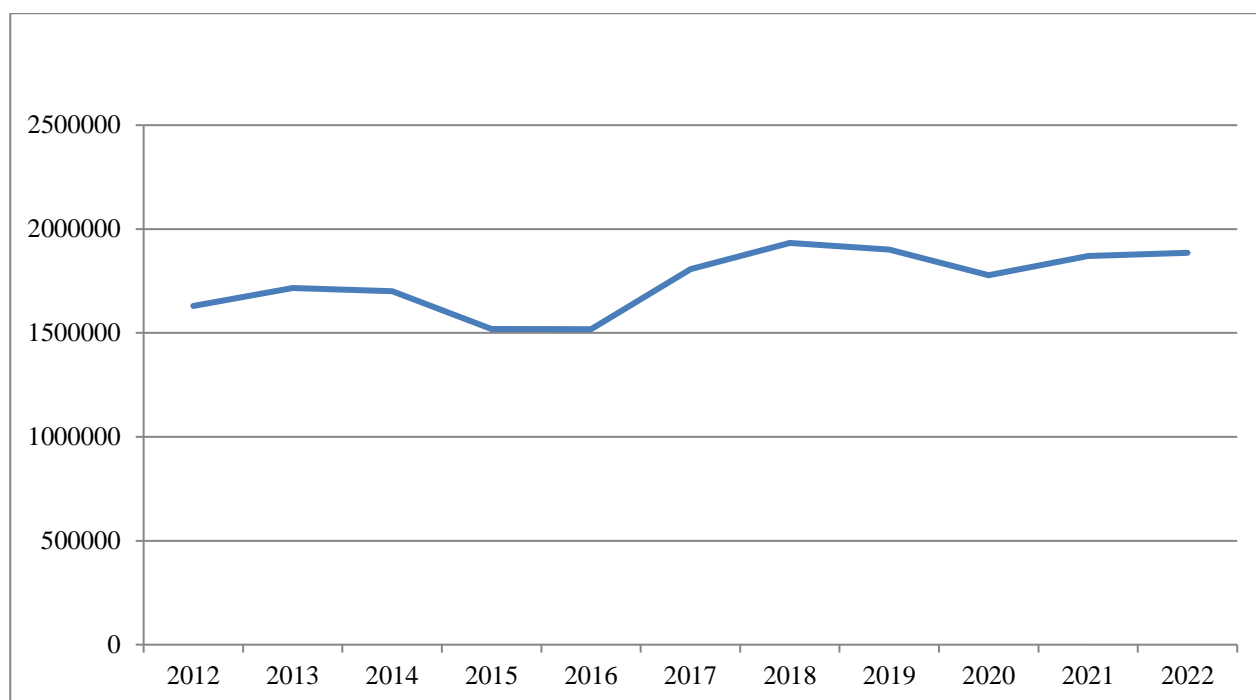

Рис. 1. Объем экспорта из Африки в Россию, 2012–2022 гг (тыс. долл).

Источник: составлено автором по [14].

Fig. 1. Volume of exports from Africa to Russia, 2012–2022 (thousand dollars).

Source: compiled by the author according to [14].

Анализируя состояние экспорта из Африки в Россию, можно заметить, что в период 2012–2016 гг. наблюдались колебания показателей, после чего заметен их рост с пиком в 2018 г. (\$1,9 млрд). Затем в 2020 г. произошел спад, связанный с пандемией COVID-19. Значительная часть торговых сообщений была приостановлена на тот момент.

В 2012 г. основными странами-экспортерами Африканского континента были Южная Африка (\$432 млн, что составляет 26 % от общего объема экспорта в Россию среди всех стран Африки), Марокко (\$373 млн, что 23 %) и Египет (\$253 млн, что 15,5 %). Наименьшие показатели объема экспорта были у Экваториальной Гвинеи (\$14 тыс.), Сан-Томе и Принсипи (\$4 тыс.) и Кабо-Верде (\$1 тыс.).

В 2022 г. Египет, Южная Африка и Марокко сохранили лидирующие позиции. Экспорт стран составил \$448 млн (24 %), \$302 млн (16 %) и \$236 млн (13 %) соответственно. Наименьшие показатели объема экспорта были у Гамбии (\$6 тыс.), Лесото (\$4 тыс.) и Конго (\$2 тыс.) [14].

Наибольший прирост объемов экспорта в Россию в относительных показателях за этот период наблюдался у Эритреи (284 %), Эсватини (107 %) и Египта (77 %). Наибольший рост экспорта к 2022 г. по сравнению с 2012 г. в абсолютном выражении зафиксировано для Египта (на \$195 млн), Алжира (на \$34 млн) и Кении (на \$27 млн).

В 2012 г. объем импорта из России в Африку составил \$10 148 млн, что является 1,81 % от общего объема импорта Африки за этот год. За десять лет динамика развития импорта также имеет положительный характер: доля импорта из России в Африку увеличилась. В 2022 г. она составила 2,39 % (\$14 718 млн) от общего объема импорта Африки (рис.2).

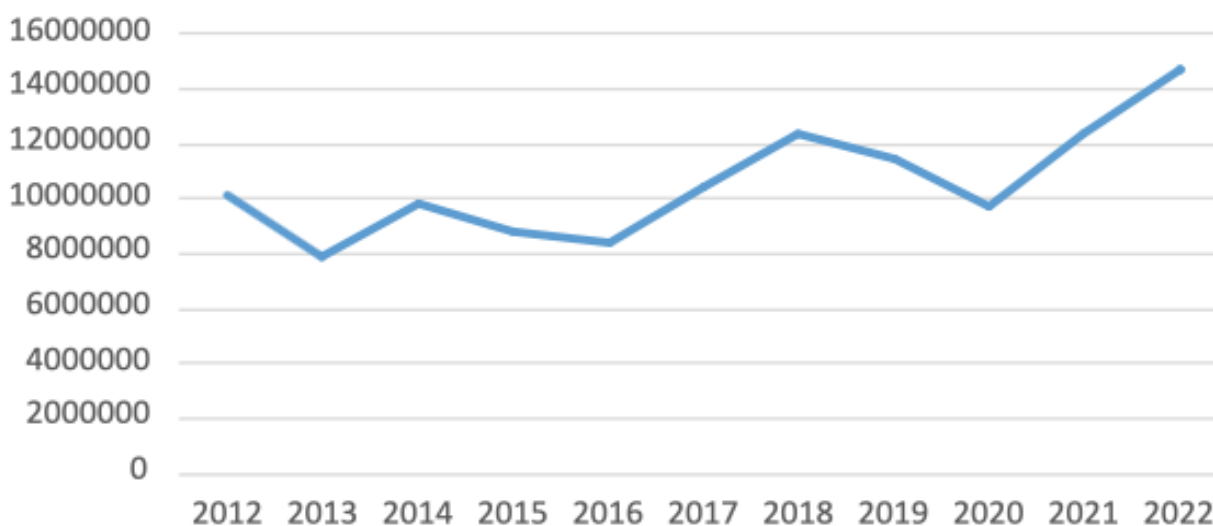

Рис. 2. Объем импорта из России в Африку, 2012–2022 гг (тыс. долл).

Источник: составлено автором по [14].

Fig. 2. Volume of imports from Russia to Africa, 2012–2022 (thousand dollars).

Source: compiled by the author according to [14].

Одной из особенностей взаимной торговли России и Африки является значительное превышение российского экспорта (89% в 2022 г.), нежели африканского (рис.3).

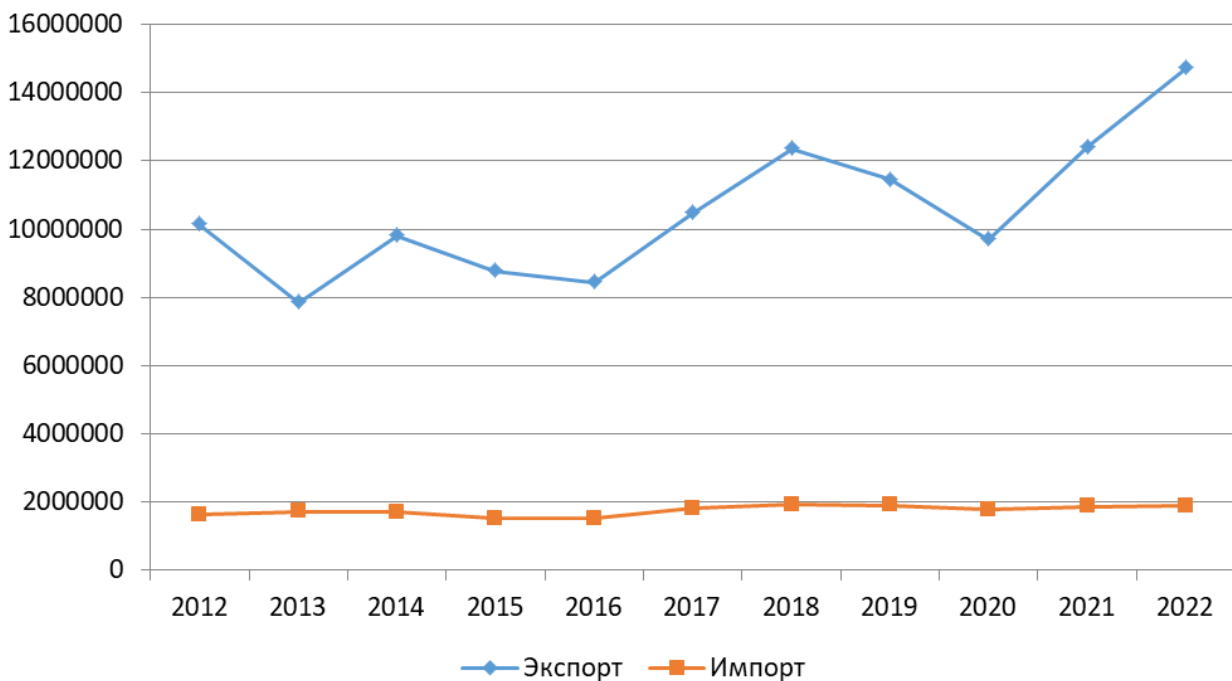

Рис.3. Российско-африканский экспорт и импорт, 2012–2022 гг (тыс. долл).

Источник: составлено автором по [14].

Fig.3. Russian-African exports and imports, 2012-2022 (thousand dollars).

Source: compiled by the author according to [14].

Этот дисбаланс можно объяснить низким уровнем экономического развития стран Африки, доминированием ограниченного ассортимента товаров на мировом рынке, несовершенством финансовой системы и транспортной инфраструктуры. До введения санкций африканские товары были более предпочтительны для покупки в других странах, включая европейские. Например, поставки какао-бобов, произрастающих в Кот-д'Ивуаре и Гане, осуществлялись через Германию и Швейцарию.

В 2012 г. основными странами-импортерами Африканского континента были Египет (\$3 503 млн, что составляет 35 % от общего объема импорта из России во все страны Африки), Марокко (\$2 350 млн, что 23 %) и Алжир (\$1 207 млн, что 12 %). Наименьшие показатели объема экспорта были у Кабо-Верде (\$35 тыс.), Гамбии (\$11 тыс.) и Эсватини (\$3 тыс.)

В 2022 г. Египет, Марокко и Алжир сохранили лидирующие позиции. Импорт стран составил \$3 737 млн (25 %), \$2 251 млн (15 %) и \$1 421 млн (9,6 %)

соответственно. Наименьшие показатели объема импорта были у следующих стран: Гвинея-Бисау (\$176 тыс.), Коморы (\$156 тыс.) и Малави (\$58 тыс.) [14].

Наибольший прирост объемов импорта в Африку в относительных показателях за этот период наблюдался у следующих стран: Мозамбик (684 %), Конго (465 %) и Ангола (429 %). Наибольший рост импорта к 2022 г. по сравнению с 2012 г. в абсолютном выражении был зафиксирован для Нигерии (на \$938 млн), Сенегала (на \$524 млн) и Ливии (на \$496 млн).

Российский экспорт преимущественно ориентирован на рынки стран Северной и Западной Африки, в то время как поставки на Восточную часть континента ограничены. Тем не менее, спрос на российскую продукцию растет именно на Востоке. Эту точку зрения высказал Андрей Маслов, руководитель Центра изучения Африки НИУ ВШЭ, в ходе интервью РБК [13]. Для развития экспорта в другие регионы России следует продолжать развивать международные транспортные коридоры с африканскими странами, в том числе коридор «Север-Юг», что сделает возможным создание единой логистической системы, решит проблему перераспределения грузового потока, улучшит процесс таможенного контроля, оптимизирует процедуры портовой инфраструктуры [6].

В 2023 г. прошел Форум партнерства Россия – Африка, который был направлен на установление взаимовыгодного сотрудничества между Российской Федерацией и африканскими государствами. В рамках данного мероприятия Россия и Африка согласились укреплять диалоговое партнерство и сотрудничество в различных областях, включая политику, экономику и гуманитарные вопросы. Для реализации плана необходимо определить отрасли экономики для поддержки взаимной торговли, разработать программы для углубления торговых связей и расширения сотрудничества между предпринимателями разных стран, а также расширить правовую базу для прямых инвестиций [8]. Евразийская комиссия ищет возможность заключения договоров о зоне свободной торговли с африканскими странами с целью упрощения торговых отношений. ЕАЭС, членом которой является Россия, и

Африка стремятся развивать партнерство в вопросах продовольственной безопасности [5].

Динамика товарной структуры внешней торговли Африки и России, 2012-2022 гг.

На протяжении рассматриваемого периода основными экспортируемыми из Африки товарами являлись сырье (кроме топлива), и продукты питания (преимущественно фрукты, овощи, кофе, какао), доля которых в общем объеме товарооборота значительно превышала процент остальных товарных групп (рис.4).

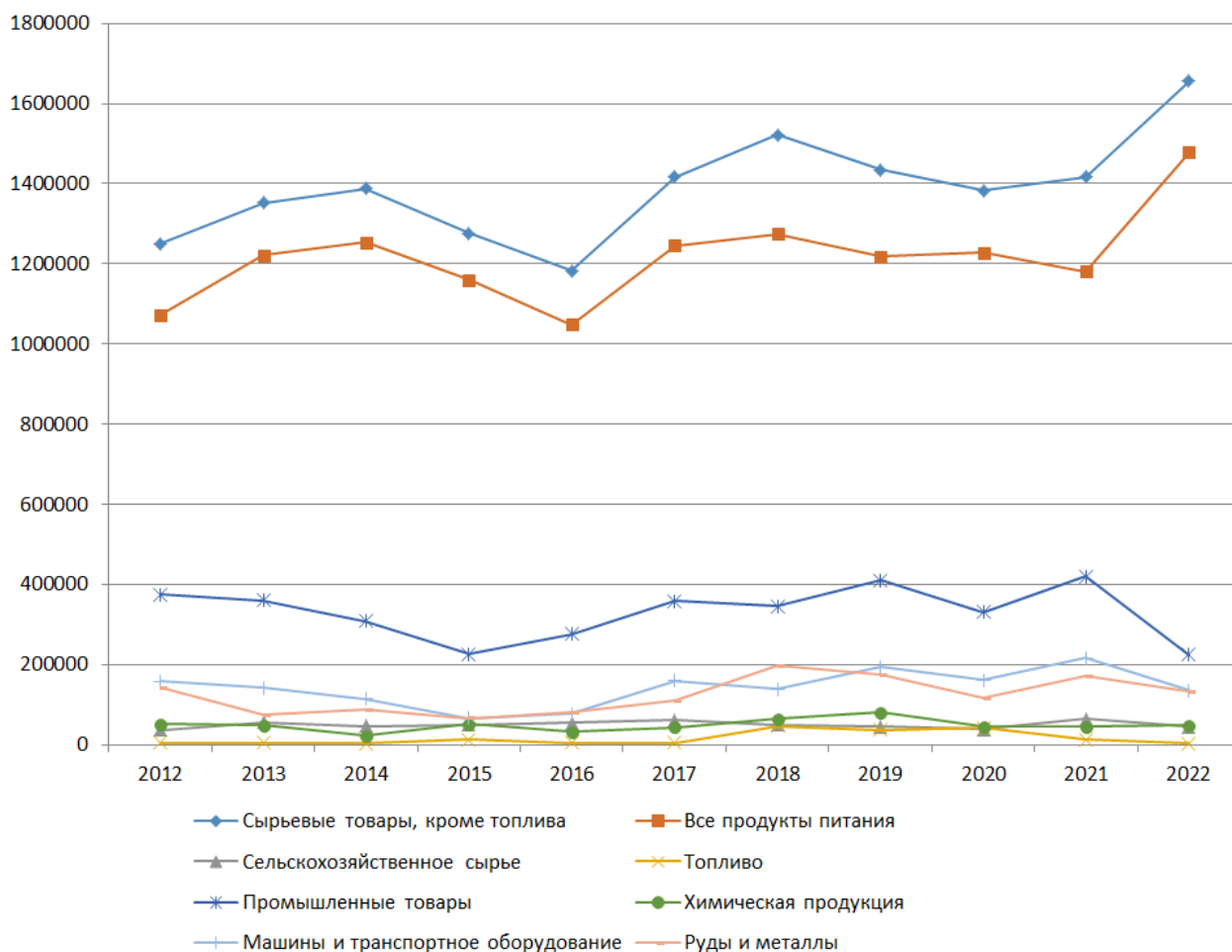

Рис.4. Экспорт основных товаров из Африки в Россию, 2012–2022 гг.

Источник: составлено автором по [14].

Fig.4. Exports of basic goods from Africa to Russia, 2012–2022.

Source: compiled by the author according to [14].

С 2021 г. наблюдается увеличение объемов экспорта сырья и продовольственных продуктов в Россию, что связано с укреплением экономического партнерства и развитием торговых отношений стран Африки с ЕАЭС.

Следует отметить, что в последние годы имело место увеличение интереса России к инвестициям в инфраструктуру и производство на континенте Африки. Это отразилось на динамике товарной структуры внешней торговли: небольшими темпами рос экспорт руды и металлов. Это было вызвано подписанием в 2019 г. Российским экспортным центром соглашения о реализации горнорудных проектов в Африке [9].

Импорт из России в африканские страны включает в себя продовольствие и удобрения, такие как растительные масла, зерновые, кондитерские изделия и химическая продукция. Россия играет ключевую роль в поставках сельхозпродукции в страны континента, обеспечивая почти 20 % общего импорта пшеницы, 18% ячменя и 13% соевого и подсолнечного масла. Помимо сырьевых товаров и продуктов питания, в значительных объемах импортировались топливо, руды и металлы (рис.5).

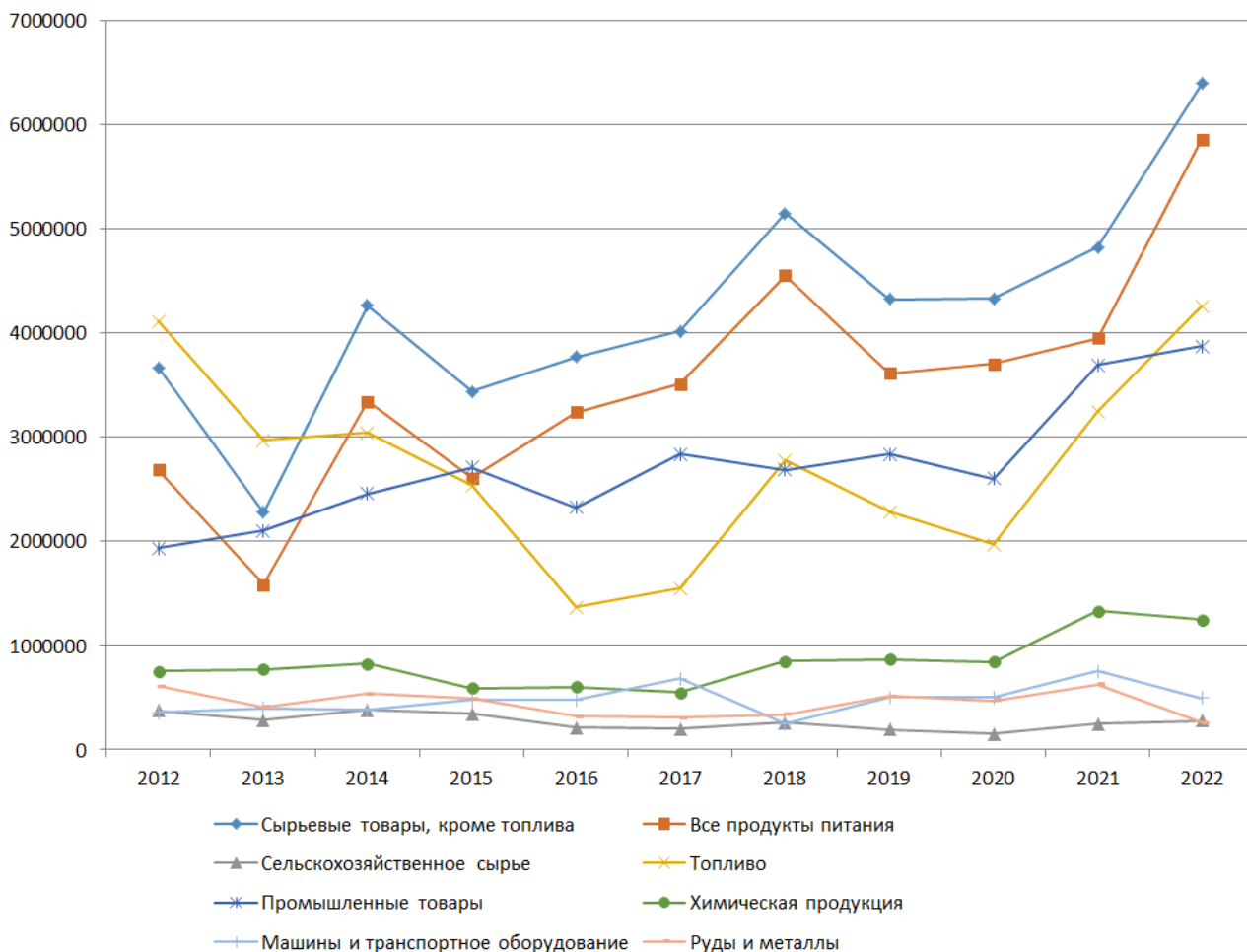

Рис.5. Импорт основных товаров из России в Африку, 2012–2022 гг.

Источник: составлено автором по [14].

Fig.5. Imports of basic goods from Russia to Africa, 2012–2022.

Source: compiled by the author according to [14].

Из-за климатических особенностей большинство стран региона не могут производить пшеницу, поэтому спрос на пшеничную муку растет из-за увеличения потребления выпечки, белого хлеба. Это связано не с решением проблемы голода, а скорее с популярностью европейской диеты и повышением доходов среднего класса. России следует сосредоточиться на увеличении поставок зерна и растительных масел в Африку, учитывая спрос в этом регионе.

В связи с отсутствием крупного нефтеперерабатывающего сектора, страны Африки экспортируют основную часть своей нефти, причем немаловажную роль в поставке энергоресурсов играет Россия. В связи с санкционными ограничениями Европы и введением эмбарго на российские сырьевые товары, Африка выступает в качестве благоприятного направления для реэкспорта

российских нефтепродуктов, что обуславливает резкое увеличение импорта топлива в африканские страны с 2020 г.

При расчете платежного баланса, можно отметить значительный дисбаланс внешней торговли России с Африкой, который проявляется в острой неравномерности объемов экспорта (89 %) и импорта (11 %). На протяжении рассматриваемого периода наблюдался отрицательный торговый баланс, причем с 2020 по 2022 г. он значительно вырос (рис.6).

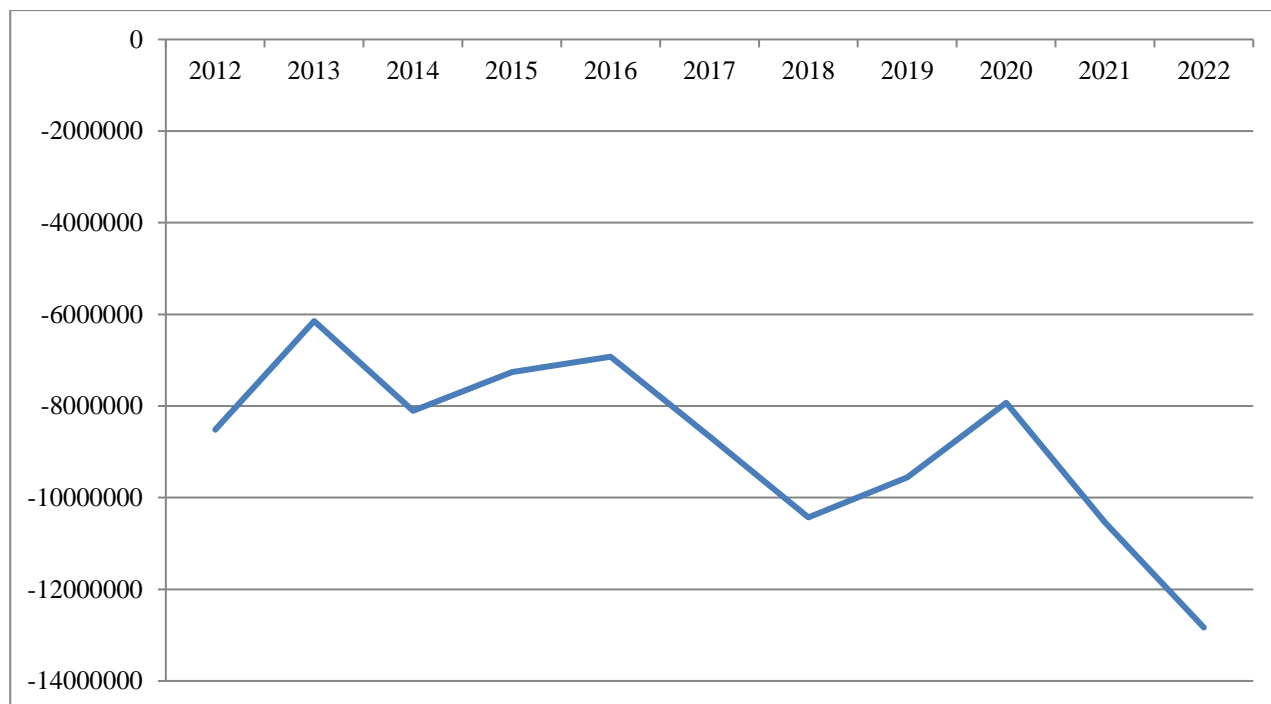

Рис.6. Торговый дефицит Африки в торговле с Россией, 2012–2022 гг.

Источник: составлено автором по [14].

Fig.6. Africa's trade deficit with Russia, 2012–2022.

Source: compiled by the author according to [14].

Торговый дефицит Африки вызван неравенством в структуре экономики, а его резкое увеличение связано с переориентацией энергетического и продовольственного российского рынка вследствие введенных санкций. Существует нереализованный потенциал для увеличения экспорта между Россией и африканскими странами Африки. Так, невостребованный экспортный потенциал стран Африки на российском рынке оценивается в 1,9 млрд долл. США (данные ИТС). С точки зрения структуры товаров, это связано с поставками фруктов, какао, минеральных ресурсов и химических продуктов.

В долгосрочной перспективе необходимо увеличить импорт товаров из африканских стран и расширить объемы инвестиций в африканскую экономику. В Африке сосредоточено значительное количество мировых запасов золота, хрома, платины, кобальта, алмазов, урана, а также там находятся обширные территории пахотных земель, что позволяет говорить о сельскохозяйственном и промышленном потенциале африканских стран.

Проведенный Минэкономразвития анализ перспективных товарных ниш на рынке Африки показывает, что до 2030 г. Россия и Африка могут как минимум удвоить цифры товарооборота [4].

Одним из перспективных направлений развития является инвестиционное сотрудничество. По данным ЮНКТАД, объем притока прямых иностранных инвестиций в страны Африки в 2021 г. составил около 83 млрд долл., что в два раза выше, чем в предыдущем году, что свидетельствует о росте инвестиционной привлекательности Африки. В настоящее время доля России в общем объеме прямых иностранных инвестиций в Африку составляет менее 1 %. Основные российские инвестиции в регионе связаны с нефтегазовым сектором и транспортной инфраструктурой.

Заключение

Таким образом, учитывая текущую геополитическую ситуацию и продолжающееся санкционное давление стран Запада, наращивание объемов сотрудничества с африканскими партнерами представляется одним из наиболее перспективных направлений. С 2012 по 2022 г. наблюдалась устойчивая тенденция увеличения объемов экспорта и импорта России и стран Африки. Основными странами-экспортерами Африканского континента были Южная Африка, Марокко и Египет. Импорт осуществляли преимущественно Египет, Марокко и Алжир. Российский экспорт сосредоточен на рынках Северной и Западной Африки, в то время как поставки на Восточную часть континента ограничены. Чтобы расширить экспорт в другие регионы, России следует продолжать развивать международные транспортные коридоры с африканскими странами, включая коридор «Север-Юг».

Взаимная внешняя торговля между странами может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на экономику обеих сторон. С одной стороны, страны получают доступ к новым рынкам, что позволяет увеличить объемы продаж и диверсифицировать экспорт. Сотрудничество в области торговли способствует передаче технологий и инноваций, что может повысить производительность и конкурентоспособность экономики. Но в случае неравного распределения выгод от внешней торговли, одна из сторон может оказаться в более выигрышном положении, что может привести к дисбалансу в экономических отношениях. Слишком высокая зависимость от внешних рынков и высокий уровень дефицита торгового баланса может сделать экономику уязвимой к внешним шокам и изменениям в мировой конъюнктуре. В случае доминирования импорта над экспортом, отечественные производители могут столкнуться с уменьшением спроса на свою продукцию и снижением конкурентоспособности.

В рассматриваемых внешнеторговых отношениях существует нереализованный потенциал для увеличения экспорта между Россией и африканскими странами Африки, поэтому необходимо наращивать взаимную торговлю в первую очередь теми товарами, по которым наблюдается данный экспортный потенциал (фрукты, какао, минеральные ресурсы и химические продукты). России следует сосредоточиться на увеличении поставок зерна, растительных масел и нефтепродуктов в Африку, учитывая то, что регион отличается высоким уровнем рождаемости, и спрос на закупки продукции аграрно-промышленного сектора растет высокими темпами. Для устранения дефицита платежного баланса между партнерами необходимо развивать взаимовыгодное сотрудничество, улучшать транспортную инфраструктуру и увеличивать объемы инвестиций в африканскую экономику.

Учитывая вышеуказанные факторы, можно отметить, что российско-африканские торговые отношения имеют потенциал для дальнейшего расширения. Для России страны Африки представляют собой стабильные рынки сбыта, благоприятные условия для реэкспорта энергоресурсов, а также

возможности для расширения инвестиций и сотрудничества в области обмена новыми и технологиями, способствующими развитию промышленности и человеческого капитала.

Список литературы

1. Вавилина А. В., Комарова Т. В. Роль России в международной системе разделения труда – перспективы наращивания экспорта в страны БРИКС // Вестник МИРБИС. – 2023. – № 4 (36). – С. 6-15.
2. Воробьева Н. В., Агаджанян Ж. А., Капишников А. М. Значение внешней торговли продовольственными товарами между Россией и странами Африки // Роль аграрной науки в устойчивом развитии сельских территорий: Сборник VIII Всероссийской (национальной) научной конференции. – Новосибирск, 2023. – С. 597-601.
3. Гогаева Л. О. Перспективы развития внешней торговли России в условиях санкций // Молодой ученый. – 2023. – № 22 (469). – С. 173-175.
4. До 2030 г. товарооборот между Россией и Африкой может увеличиться вдвое // Министерство экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_do_2030_tovaroobrot_mezhdu_rossiey_i_afrikoj_mozhet_uvelichitsya_vdvoe.html?ysclid=m0mvsq5kti973811873 (дата обращения 10.05. 2024)
5. Евразийская экономическая комиссия: ЕАЭС и Африка намерены развивать сотрудничество в вопросах продовольственной безопасности. – М.: ЕЭК, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-afrika-namereny-razvivat-sotrudnichestvo-v-voprosakh-prodovolstvennoy-bezopasnosti-> (дата обращения 10.05. 2024).
6. Министерство транспорта РФ: Россия продолжит развивать международные транспортные коридоры совместно с африканскими странами // Министерство транспорта РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/10810> (дата обращения 10.05. 2024).

7. Нарбут В. В., Шпаковская Е. П. Векторы развития внешней торговли России в условиях санкций // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 2. – С. 131-148.
8. План действий Форума партнерства Россия – Африка на 2023–2026 годы // Администрация Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5971> (дата обращения 10.05. 2024).
9. Российский экспортный центр подписал соглашение о реализации горнорудных проектов в Африке // Российский экспортный центр [Электронный ресурс]. URL: www.exportcenter.ru/press_center/rets-podpisal-soglashenie-o-realizatsii-gornorudnykh-proektov-v-afrike/ (дата обращения 10.05. 2024).
10. Соловьёва Ю. В. Проблемы и перспективы развития трансферта технологий стран БРИКС // Научно-технологическое и инновационное сотрудничество стран БРИКС. Выпуск 1. – М.: ИНИОН РАН, 2023. – С. 381-385.
11. Хаустова Т. В., Соклаков А. А. Перспективы торгового сотрудничества регионов России со странами африканской континентальной зоны свободной торговли на примере Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2023. – Т. 13. – № 3. – С. 39-52.
12. Хмелева Г. А., Глотова А. В. Современное состояние и перспективы развития торгово-экономических отношений России и Эфиопии // Экономические отношения. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 79-92.
13. Чего ждать от российско-африканских экономических отношений //РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/62ddc8cb9a7947ad9188db4b> (дата обращения 10.05. 2024).
14. UNCTADstat: Data centre [Электронный ресурс]. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 09.05.2024).

References

1. Vavilina A. V., Komarova T. V. Rol Rossii v mezhdunarodnoy sisteme razdeleniya truda – perspektivy narashchivaniya eksporta v strany BRIKS [The role of Russia in

the international system of division of labor – prospects for increasing exports to the BRICS countries]. Vestnik MIRBIS, 2023, no. 4 (36), pp. 6-15.

2. Vorobieva N.V., Agadzhanyan Zh.A., Kapishnikov A.M. Znachenie vneshney trgovli prodovolstvennymi tovarami mezhdru Rossiey i stranami Afriki [The importance of foreign trade in food products between Russia and African countries]. Rol agrarnoy nauki v ustoychivom razvitii selskikh territoriy: Sbornik VIII Vserossiyskoy (natsionalnoy) nauchnoy konferentsii. Novosibirsk, 2023, pp. 597-601.

3. Gogaeva L.O. Perspektivy pazvitiya vneshney trgovli Rossii v usloviyah sanktsiy [Prospects for the development of Russian foreign trade under sanctions]. Molodoy uchenyy, 2023, no. 22 (469), pp. 173-175.

4. Do 2030 g. tovarooborot mezhdru Rossiey i Afrikoy mozhet uvelichitsya vdvoye [By 2030, trade turnover between Russia and Africa may double]. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya RF. Available at: www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_do_2030_tovarooborot_m_ezhdru_rossiey_i_afrikoy_mozhet_uvelichitsya_vdvoe.html?ysclid=m0mvsq5kti973811873 (accessed: 10.05. 2024)

5. Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya: EAES i Afrika namereny razvivat sotrudnichestvo v voprosakh prodovolstvennoy bezopasnosti [The EAEU and Africa intend to develop cooperation on food security issues]. Moscow: EEK, 2023. Available at: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-afrika-namereny-razvivat-sotrudnichestvo-v-voprosakh-prodovolstvennoy-bezopasnosti-/>(accessed: 10.05. 2024)

6. Ministerstvo transporta RF: Rossiya prodolzhit pazvivat mezhdunarodnye transportnye koridory sovmestno s afrakanskimi stranamy [Russia will continue to develop international transport corridors together with African countries]. Ministerstvo transporta RF. Available at: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/10810> (accessed: 10.05. 2024)

7. Narbut V.V., Shpakovskaya E.P. Vektory razvitiya vneshney trgovli Rossii v usloviyakh sanktsiy [Vectors for the development of Russian foreign trade under sanctions]. Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk, 2023, no. 2, pp. 131-148.

8. Plan deystviy Foruma partnerstva Rossiya – Afrika na 2023–2026 gody [Action Plan of the Russia–Africa Partnership Forum for 2023–2026]. Administratsiya Prezidenta Rossii. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/5971> (accessed: 10.05. 2024)
9. Rossijskij eksportnyj centr podpisal soglasheniye o realizatsii gornorudnykh proektov v Afrike [REC signed an agreement on the implementation of mining projects in Africa]. Rossijskij eksportnyj centr. Available at: www.exportcenter.ru/press_center/rets-podpisal-soglashenie-o-realizatsii-gornorudnykh-proektov-v-afrike/ (accessed: 10.05. 2024)
10. Solovieva Yu.V. Problemy i perspektivy razvitiya transferta tehnologij stran BRICS [Problems and prospects for the development of technology transfer of the BRICS countries]. Nauchno-tehnologicheskoe i innovatsionnoe sotrudnichestvo stran BRIKS. Vypusk 1. Moscow: INION RAN, 2023, pp. 381-385.
11. Haustova T.V., Soklakov A.A. Perspektivy torgovogo sotrudnichestva regionov Rossii so stranami afrikanskoy kontinentalnoy zony svobodnoy torgovli na primere Kurskoy oblasti [Prospects for trade cooperation between Russian regions and countries of the African continental free trade zone using the example of the Kursk region]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: ekonomika. Sotsiologiya. Menegzhment, p. 13, no. 3, pp. 39-52.
12. Hmeleva G.A., Glotova A.V. Sovremennoye sostoyanie i perspektivy razvitiya torgovo-ekonomicheskikh otnosheniy Rossii i Ephiopii [Current state and prospects for the development of trade and economic relations between Russia and Ethiopia]. Ekonomicheskiye otnosheniya, 2023, p. 13, no. 1, pp. 79-92.
13. Chego zhdet ot rossiysko-afrikanskikh ekonomicheskikh otnosheniy [What to expect from Russian-African economic relations]. RBK. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/62ddc8cb9a7947ad9188db4b> (accessed: 10.05. 2024).
14. UNCTADstat: Data centre. Available at: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (accessed: 09.05.2024).

© Неведомская Александра Олеговна, Яхонтова Полина Игоревна, 2024

Индийский опыт развития экономики

Стрижова Мария Евгеньевна

Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России (МГИМО),
119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76

Стрижова Ирина Викторовна

Московский государственный психолого-педагогический университет,
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29

В статье представлен историко-экономический анализ развития Индии. Рассматриваются периоды до обретения Индией независимости, после 1947 года, после реформ Джавахарлала Неру и реформ Нарамсиха Рао. Особое внимание уделено исследованию современного состояния экономики Индии. Авторы связывают экономические изменения этой страны с глобальными внутренними политическими событиями и международным положением Индии в каждый исторический период. Показано влияние значимых событий мировой истории на развитие экономики Индии. Сделан вывод о том, что анализировать экономическую ситуацию Индии логично на основе выделения основных исторических периодов в её развитии как государства с подчеркиванием значимого влияния положения Индии в системе международных отношений в каждый из рассмотренных периодов. Авторы отмечают влияние не только внутривнутриполитических событий на изменение экономической политики Индии, но и подчеркивают важную роль именно международного положения Индии.

Ключевые слова: экономика, структура экономики, трансформация, экономическое развитие, независимость, реформы.

JEL коды: F 20, F50, F54, F63, N45.

Indian's experience of the economy development

Strizhova Mariya Evgenievna,

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76

Strizhova Irina Viktorovna,

Moscow State University of Psychology and Education
127051, Moscow, Sretenka str., 29

A historical-economic analysis of the Indian's economy is given in the article. The periods before gaining independence, after 1947, Nery's reforms, Rao's reforms. Historical parallels are looked into and a brief description of the main historical periods is presented in the article. The

authors pay attention to studying the structure of the economy and put changes in it down to the level of the development and the global events. A literature on the theme of the economy of the 20th century is presented and examined. A comparison's characteristics of the subject is given in the historical perspective. The authors use the ancient, colonial periods and the 20th century. Special attention is paid to the research on the modern economy. Structure's analysis is made according to the criteria that were given. The authors are determined that not only internal events, but also external influenced on economic policy of the Government. The authors stress a key role of the international involvement of India to the international relations.

Keywords: *economy, structure of the economy, transformation, economic development, independence, reforms.*

Введение

Экономическое развитие Индии детерминировано многими факторами, среди которых исторические события занимают особое место и изучение их влияния представляет для нас исследовательский интерес.

Какие события в мировой истории в наибольшей степени оказали влияние на экономику Индии? В настоящей статье представим историко-экономический анализ развития Индии.

Цель исследования: проследить влияние значимых событий мировой истории на развитие экономики Индии.

Задачи:

- 1) выделить основные исторические периоды в развитии Индии как государства;
- 2) дать экономическую характеристику выделенных периодов;
- 3) выявить наиболее благоприятный исторический период в экономическом развитии Индии;
- 4) проанализировать современное экономическое состояние данной страны и выделить трансформации в структуре её экономики.

Перечислим ключевые понятия исследования. *Экономика* как наука о ведении хозяйства имеет свою структуру. *Структуру экономики* определяем как соотношение элементов экономической системы, которое характеризует

пропорции хозяйства и состояние общественного разделения труда. Под *трансформациями* понимаем процесс структурного перехода в экономике. *Экономическое развитие* связываем с постепенными качественными и структурными позитивными изменениями в экономике. *Независимость* характеризуем через состояние политической, экономической, социальной и других форм самостоятельности. *Реформы* представляются нами как изменения в сферах социальной жизни, происходящие по инициативе государства.

В рамках данного исследования использовались следующие теоретические методы: разные виды анализа, сравнение, обобщение научных сведений по теме исследования, метод единства исторического и логического.

Обзор литературы

Проблема исторического развития экономики Индии хорошо изучена как российскими, так английскими и индийскими учеными. Например, Маляров О. В. [2] исследует действия государства в области экономического регулирования в 1990-х годах. Автор подчеркивает, что реформа 1990 г., направленная на расширение экономики, осуществлялась при сохранении базовых структур государственного регулирования.

Паул Байроч в основе исследования [5] ставит изучение внутренних событий истории Индии, связывая их с экономическими трансформациями. В частности, представлен анализ экономического развития.

Исследование истории развития экономики целесообразно проводить с учетом структурного анализа экономики. Эта тема также рассматривается российскими учеными. Так, Архипов В. Я. [1] делает акцент на изучении динамики преобладания промышленности в структуре экономики Индии.

В работе Ашера Б. и Талбота С. [4] исследуется динамика Индии до прихода англичан. Авторы отмечают высокий уровень экономического развития практически во все периоды истории Индии, кроме прихода европейцев.

Ирфан Хабиб [10] анализирует экономическую динамику страны в период 1200–1500 гг. Автор делает акцент на высоком уровне развития индийской экономики.

Фергюсон Н. [9] исследует историю возникновения, расцвета и упадка Британской империи, которая, по мнению автора, является первой сверхдержавой. В работе также даётся оценка влияния Британской империи на европейскую политику, процессов, развертывавшихся на периферии тогдашнего мира, и сравнение нынешней ситуации с событиями вековой давности. Фергюсон считает, что Британская империя возникла в результате экономической экспансии, а англичане избрали единственно верную тактику, стремясь не поработить, а освободить местное население, искореняя рабство и препятствующие развитию племенные обычаи. Изучение данной монографии позволило оценить ситуацию, происходившую в Индии во время колонизации англичанами, со стороны европейцев.

Большинство авторов связывают основные структурные изменения в государстве с внутренними изменениями в экономике, например, со сменой экономического курса [2, 5, 9, 14 и др.], но не многие связывают данные трансформации с событиями мирового значения. В данной статье авторы полагают, что взаимосвязь между трансформацией в структуре экономики и событиями в международных отношениях более тесная, чем с внутривнутриполитическими событиями. В этом заключается новизна нашего исследования.

Исторические этапы развития экономики Индии

Рассмотрим следующие исторические периоды в развитии Индии: время Махаджанапады (6–4 век до нашей эры), Империю Маурьев (322–184 г. до н.э), Делийский султанат (1206–1526 гг.), Империю Великих Моголов (1526–1858 гг.), Британскую колонизацию (XIX век – 1947 г.), обретение Индией независимости (после 1947 г.), реформы Джавахарлала Неру, Индиры Ганди, Нарасимха Рао и настоящее время.

Индия была одной из богатейших стран мира на протяжении примерно двух с половиной тысячелетий, начиная с конца 1-го тысячелетия до нашей эры и заканчивая началом британского правления в Индии [4].

В IV веке до н. э. в **Махаджанападе** наблюдался рост торговли. Об этом свидетельствуют найденные монеты, относящиеся к этому периоду. Примерно в это же время началось строительство городов. Этот исторический период характеризуется наличием 16 отдельных королевств, а значит раздробленностью.

В 322 году до н.э. **Империя Маурьев** объединила большую часть Индийского субконтинента. В результате объединения разрозненных королевств возникло политическое единство и, как следствие, военная безопасность, что благоприятствовало созданию общей экономической системы и расширению торговли, повышению производительности сельского хозяйства как единственной на данном этапе исторического развития отрасли экономики.

С 1 по 1000 г. нашей эры на Индию приходилось примерно 30 % мирового ВВП. В 1000 г. 28,5 % населения мира проживало в Индии [9], следовательно, развивалось и внутреннее хозяйство.

Делийский султанат просуществовал 320 лет. Экономическая политика внутри Делийского султаната отличается более активным участием *государства* в экономике в сравнении с классическими индуистскими династиями. Выделим основные черты экономической политики в период Делийского султаната.

1. *Усиление роли государства.* Существовала система наказаний для частных предприятий, нарушавших правительственные постановления. Например, Алауддин Халджи заменил частные рынки четырьмя централизованными *государственными*, назначил «контролера рынка» и ввел строгий контроль цен на все виды товаров, особенно жесткий контроль был установлен на продовольственные и более дорогие товары. Торговцам животных и рабов было запрещено собирать комиссионные, а также работать на всех рынках животных и рабов [11].

2. *Национализация предприятий.* Зернохранилища были *национализированы* и установлены ограничения на хранение зерна [11].

3. *Лицензирование.* Для торговли дорогими товарами, например, тканями, требовалась *лицензия*, выданная государством. Эти лицензии были выданы эмирам, маликам и другим важным лицам в правительстве. Таким образом, описанные меры характеризуются высокой степенью участия государства в экономике, что препятствовало развитию товарных отношений внутри государства.

Тем не менее, в период Делийского султаната развивались *международные* связи с миром, что привело к увеличению товарооборота. Хотя изначально Делийский султанат был разрушительным для внутренней экономики, он способствовал вступлению Индийского субконтинента в растущую мировую экономическую систему [14]. Начиная с XIII века, в Индию стали поступать механические технологии исламского мира [5]. Широкое использование прялки и внедрение червячной передачи и кривошипной ручки в роликовый хлопкоочиститель привели к значительному расширению производства индийского хлопкового текстиля по всему миру [11].

Империя Великих Моголов длилась чуть более трех столетий. Этот период характеризуется *ростом* экономики Индии, так как благодаря моголам разрозненные индийские княжества были *объединены*. Этот процесс сопровождался высокими темпами урбанизации (15 %). Численность населения некоторых городов насчитывала, по некоторым оценкам, до 800 тыс. чел. Мы видим, что когда Индия объединялась под властью других народов, то происходил её экономический рост. Похожие события происходили и в период Империи Маурьев, когда княжества объединились и наблюдался рост товарооборота.

Моголы построили дороги, создали единое денежное обращение, именно они *стандартизировали рупии*. Индия стала поставлять на мировой рынок сельскохозяйственную продукцию, ткани и другие товары. Основными сельскохозяйственными культурами были пшеница, рис, хлопок. Моголы

строили ирригационные системы, в результате чего увеличились темпы роста экономики. Благодаря интеграции в мировое хозяйство и освоению Индии португальцами, в XVII в. стали выращивать культуры из Южной Америки - табак и кукурузу.

На Индию приходилось около 25 % мирового промышленного производства с I века нашей эры и до британской колонизации [10]. С конца XVII до начала XVIII в. 95 % британского импорта из Азии было индийского производства [10]. Хлопчатобумажная текстильная промышленность обеспечивала значительную часть международной торговли империи. Экспортировали шелк и другие ткани из Бенгалии в Европу, однако экспорт превышал импорт.

Продолжительность **Британской колонизации** Индии до сих пор вызывает в научных кругах споры. Поэтому мы не ставим задачу определить точный временной промежуток данного исторического явления, но отметим факт его влияния на экономику Индии.

При британском правлении доля Индии в мировой экономике снизилась с 23 % в начале XVIII в. до чуть более 3 %, когда Индия обрела независимость. В 1700 г. этот показатель составлял 27 % [8]. ВВП (по ППС) Индии оставался неизменным во время Империи Великих Моголов и начал снижаться до наступления британского правления [10].

В XVIII в. до прихода англичан Индия поставляла на мировой рынок ткань, однако после восстания сипаев и окончательной колонизации Индия потеряла экономический суверенитет, так как стала поставлять сырье, а не готовый товар. Ост-Индийскую кампанию характеризовали в английском парламенте: «Этой компании удалось превратить Индию из страны-производителя в страну, экспортирующую сырье» [11, С. 209]. Тем временем, в Британии в XIX в. изобрели ткацкие станки, и хлопчатобумажная промышленность была на подъеме, а индийская пришла в упадок.

Вопрос влияния британского владычества на экономику Индии всегда носил дискуссионный характер. Факт, что временные рамки прихода англичан и

деиндустриализации Индии совпадают, не вызывает сомнений. Однако рассмотрим некоторые причины упадка текстильной промышленности.

Во-первых, в период Империи Моголов Индия была *единственной* страной, которая поставляла ткань. После промышленного переворота Британия стала страной, изготавливающей ткань. Иными словами, Индия перестала быть единственным поставщиком продукции, что привело к упадку её экономики.

Во-вторых, британцы разгромили текстильные заводы, что имеет прямую зависимость между приходом англичан и упадком экономики Индии.

Несмотря на возникшие с приходом европейцев трудности с производством хлопчатобумажной ткани, предприниматель Тата импортировал дорогой хлопок из Египта и закупил более сложное оборудование из Соединенных Штатов для прядения тонкой пряжи, которая могла конкурировать с импортом из Великобритании [15].

В XIX в. в Индии стали строить железные дороги, что благоприятно сказалось на транспортном сообщении между штатами. Правительство и частные британские компании поддержали строительство железных дорог, но после завершения их строительства доля иностранных инвестиций в ВВП Индии снизилась до 10 %.

Общая модель капиталистического развития характеризовалась дуализмом узкого, сконцентрированного современного капиталистического сектора и широкой сферы традиционного докапиталистического и раннекапиталистического сельского хозяйства и кустарной промышленности. Отсталость, безработица, экономическое и социальное неравенство индийского населения были последствием такой социально-экономической структуры. Рыночный механизм не мог устранить деформации, свойственные этой модели социально-экономической эволюции, сдерживал развитие отечественного производства и усугублял общее отставание страны [2].

Начало периода развития **Независимой Индии** приходится на 1947 г., когда Индия получила независимость от британского владычества. В наследство

она получила печальную картину: 90 % населения Индии проживало в сельской местности, а 55 % жили за международной чертой бедности.

В основе новой модели экономического развития лежало сочетание государственного и частнокапиталистического укладов.

Начиная с 1950-х гг. Индия столкнулась с дефицитом торгового баланса, который увеличился в 1960-х гг. У правительства Индии был дефицит бюджета, поэтому оно не могло брать в долг на международном или частном уровне. В результате правительство выпустило облигации Резервного банка Индии, что увеличило денежную массу. Иными словами, правительство проводило политику «мягких денег», и это привело к *инфляции*.

События во *внешней политике* оказали влияние на снижение притока иностранной помощи. После **Индо-пакистанской войны** 1965 г. США и другие дружественные Пакистану государства перестали оказывать помощь Индии, что привело к необходимости проведения девальвации и либерализации.

Советско-индийские отношения стали развиваться не так давно. Индия получала помощь от СССР во время китайско-индийской войны (октябрь-ноябрь 1962 г.). В 1962 г. Советский Союз согласился передать Индии технологии для совместного производства истребителей МиГ-21, в предоставлении которых Советский Союз ранее отказал Китаю [8].

Реформы Джавахарлала Неру – ещё один значимый период в истории независимой Индии. Теперь провозглашался курс на *индустриализацию* страны, создание крупных *государственных* предприятий, при этом частное предпринимательство сдерживалось строгой системой лицензирования, вводились пятилетние планы. Похожие меры прослеживались и во время правления Делийского султаната. Однако индустриализация в период независимости проводилась за счёт сокращения расходов на аграрный сектор, и к середине 1960-х гг. Индия оказалась на пороге голода.

Сельское хозяйство находилось в упадке, поэтому началось активное внедрение удобрений и высокопродуктивных сортов пшеницы и других злаков (произошла так называемая «зелёная революция»). Шло освоение целинных

земель, строились оросительные каналы и фермы с использованием наемного труда.

Реформы Индиры Ганди. В 1969 г. 14 крупных коммерческих банков были национализированы. Некоторые отрасли промышленности также были национализированы для защиты занятости и интересов рабочей силы.

В начале 1980-х гг. правительство **Раджива Ганди** предприняло попытку отойти от жесткого регулирования экономики Индии, сдерживающего рост частного предпринимательства, путем смягчения политики импортозамещения. В 1980-х гг. продолжали действовать законодательные ограничения относительно участия национального частного капитала в зарубежных инвестициях и получения кредитов в иностранных банках. Однако продолжал расти внешний долг и, как следствие, золотовалютные резервы истощались, что стало одной из причин экономического кризиса 1991 г.

В первой половине 1990-х гг. правительство премьер-министра **Нарасимха Рао** провело ряд рыночных реформ: *отменено* лицензирование, проведена *приватизация*, *снижены* импортные пошлины. Результатом подобных реформ стало *повышение темпов роста экономики*. С 1991 г. начался переход к *экспортноориентированной модели* экономического развития. Сократилось число закрытых для иностранных инвестиций отраслей, лицензирование было сохранено только на некоторых крупных предприятиях, которые получили доступ в закрытые для них ранее мелкие традиционные отрасли, такие как производство обуви и другие, при условии, что они экспортируют 50 % своей продукции. Правительство стало проводить политику «жестких денег», выставляя на продажу государственные акции [2].

Современное состояние Индии характеризуется следующими особенностями.

Сельское хозяйство развито в штатах Уттар-Прадеш, Пенджаб, Мадья-Прадеш, Андхра-Прадеш, Западная Бенгалия, Махараштра (см. рис. 1). Наиболее благоприятным для выращивания сельскохозяйственных культур является штат Пенджаб с его плодородной землей и множеством рек и оросительных каналов.

Он расположен рядом на границе с Пакистаном, но обе страны находятся в непростых отношениях из-за территориального спора, который выдвигает Пакистан Индии в отношении этого штата.

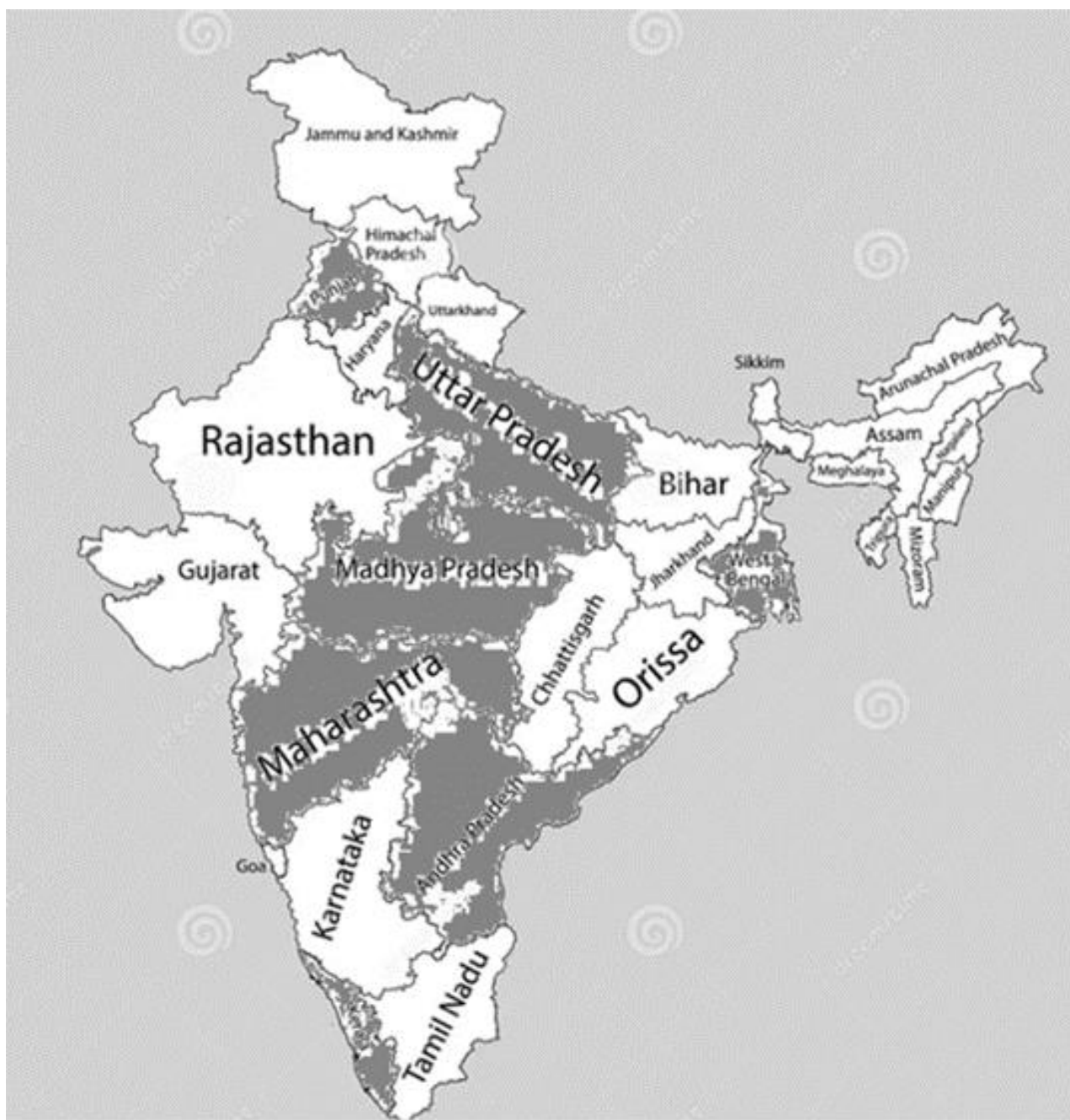

Рис.1. Карта сельскохозяйственных штатов Индии.

Источник: составлено авторами.

Fig. 1. Map of agricultural states in India.

Source: compiled by the authors.

Индия — крупнейший в мире производитель чая (около 470 тыс. тонн, из которых 200 тыс. тонн экспортируется). Чай выращивается на экспорт в штатах

Ассам, Западная Бенгалия, Керала и Тамилнад. Выращивание кофе также происходит на юге страны (штат Карнатака). Основной технической культурой является хлопчатник, он выращивается в штатах Махараштра, Гуджарат и Пенджаб [3].

По данным The Global Economy, в сельском хозяйстве по состоянию на 2021 г. было занято 43,96 % населения. Это говорит о снижении роли сельского хозяйства в структуре занятости населения, однако эти данные не учитывают «теневой сектор». Доля сельского хозяйства в ВВП, по данным того же The Global Economy, в 1960 г. составляла более 47 %, в 2021 г. – 16 %.

Таким образом, прослеживается тенденция к снижению роли сельского хозяйства в структуре экономике Индии, что проявляется в сокращении доли занятых и уменьшении доли сельского хозяйства в ВВП.

Промышленность. Представлены отрасли химической, фармацевтической, легкой промышленности.

Добывающая промышленность развита в тех штатах, в которых осваиваются месторождения полезных ископаемых. Это штаты Мадхья-Прадеш, Гоа, Бихар, Карнатака и другие. Например, в первых двух штатах расположены месторождения железных руд.

Обрабатывающая промышленность представлена в городах Мумбаи, Калькутта, Нью-Дели и Мадрас, так как они являются крупными центрами с развитой транспортной инфраструктурой.

Машиностроение. Индия занимает первое место по производству тракторов, второе – по автобусам и третье – по грузовикам.

Химическая промышленность. По объёму производства химическая промышленность Индии является шестой в мире. В Россию экспортируются их товары фармацевтики.

Лёгкая промышленность. Главной отраслью лёгкой промышленности является текстильная. Производство становится всё более диверсифицированным. В различных районах страны складывается

специализация предоставления услуг, ведущая к быстрому увеличению объема их экспорта [9].

Доля промышленности в ВВП в 2021 г., по данным The Global Economy, 13,37 %. Наибольшая доля приходится на 1990–2000-е гг., то есть на периоды проведения реформ Нарасимха Нао и Раджива Ганди, когда активно происходила индустриализация страны и стало возможно производить товары промышленности. На рис. 2 изображен график изменения доли промышленности в ВВП Индии.

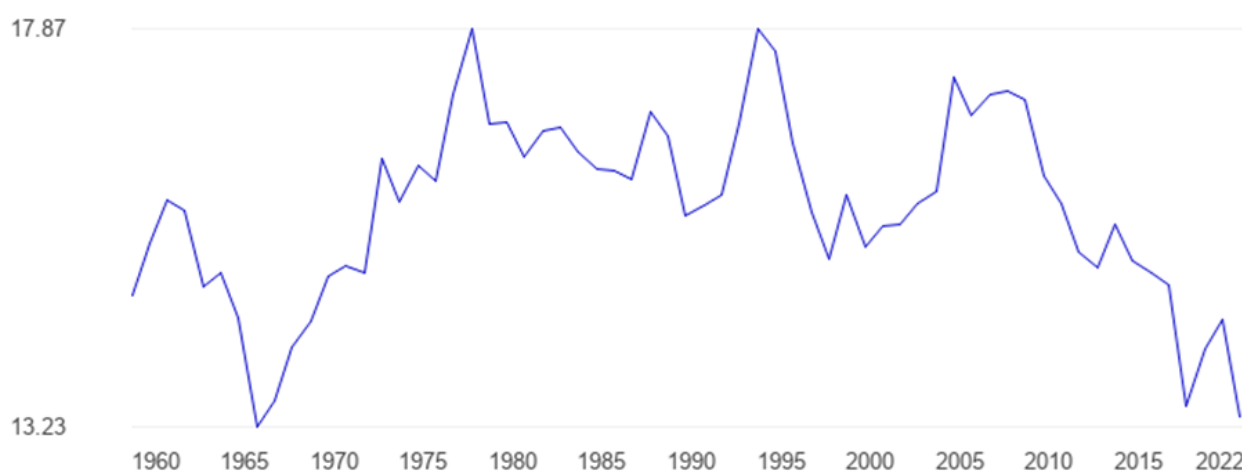

Рис. 2. Доля промышленности в ВВП Индии.

Источник: [13].

Fig. 2. Industry's share of India's GDP.

Source: [13].

Сфера услуг

Индия стала одним из крупных экспортеров услуг. Экспорт услуг продолжает расти высокими темпами и одновременно поддерживает быстрый рост индийской экономики [1].

Доля сферы услуг в 2022 г. составила 48,44 %, то есть прослеживается рост её доли в ВВП, и это благоприятно сказывается на состоянии экономики (см. рис. 3).

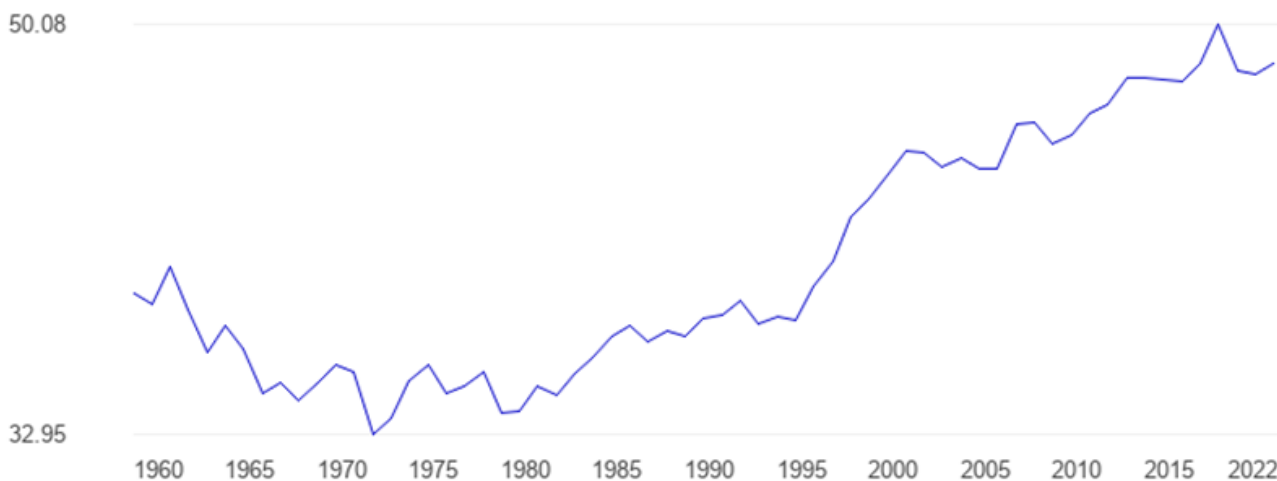

Рис.3. Доля сферы услуг в ВВП Индии.

Источник: [13].

Fig. 3. Share of service sector in India's GDP.

Source: [13].

Как видим, избранная Индией модель развития индустрии информационных технологий обеспечивает высокий вклад в масштабное экономическое развитие.

Результаты

Изучение научной литературы позволило выявить влияние значимых событий мировой истории на развитие экономики Индии.

1. Нами сделан вывод о том, что анализировать экономическую ситуацию Индии логично на основе выделения основных исторических периодов в её развитии как государства с подчеркиванием значимого влияния положения Индии в системе международных отношений в каждый из рассматриваемых периодов.

2. Нами выявлена прямая зависимость между единством княжеств и темпами экономического развития. Таким образом, в период раздробленности снижались темпы экономического роста. Рассмотренные в статье периоды также характеризуются снижением обороноспособности, что в дальнейшем приводило к внешнеполитическим проблемам в виде захвата территорий.

3. Мы отмечаем влияние не только внутривнутриполитических событий на изменение экономической политики этой страны, но и подчеркиваем важную роль именно международного положения Индии.

Заключение

Индия имеет длительную историю развития экономики, в которой были как взлеты, так и падения. События мирового значения оказывали влияние на ее развитие, однако ни одно не смогло ее сломать. Прослеживается тенденция, что, когда страна объединяется, то происходит ее интеграция в мировое хозяйство. Успех экономики Индии проявляется в том, что на сегодняшний день она стала крупнейшей экономикой Южной Азии и она помогает другим странам, в частности, Шри-Ланке, Бангладеш, Бутану, Непалу и другим. Согласно бюджету Индии на 2021-22 гг., ее прямая зарубежная помощь составила ₹18 154 крор (2,2 млрд долл. США). Для координации помощи иностранным государствам правительство Индии создало отдельный структурный элемент- «Индийское агентство партнерства в целях развития» в составе Министерства иностранных дел. В числе главных стран-получателей, по данным Исследовательского фонда Observer, Бутан, Афганистан, Бангладеш. Ее иностранная помощь заключается в строительстве гидроэлектростанций в Непале, предоставлении кредитов странам Южной Азии (Бангладеш, Бутан, Мальдивы).

Индия прошла путь либеральных реформ, которые положительно повлияли на ее экономику. В настоящее время увеличивается доля сферы услуг в ВВП и развитие экспорта высоких технологий, что впоследствии откроет возможность для перехода к постиндустриализму.

Список литературы

1. Архипов В.Я. Индия на мировом рынке услуг // Российский внешнеэкономический вестник. – 2008. – №7. – С. 8-10.
2. Маляров О.В. Роль государства в переходной экономике: опыт Индии // Экономическая наука современной России. – 2000. – №2. – С. 120-135.

3. Agriculture, forestry and fishing // Britannica [Электронный ресурс]. URL: www.britannica.com/place/India/Agriculture-forestry-and-fishing (дата обращения: 09.10.2024)
4. Asher C.B., Talbot C. India before Europe. – Cambridge University Press, 2006. DOI: 10.1017/CBO9780511808586
5. Bairoch P. Economics and world history: myths and paradoxes. The University of Chicago Press, Chicago, 1993.
6. Clingingsmith D., Williamson J. Deindustrialization in 18th and 19th century India: Mughal decline, climate shocks and British industrial ascent // Explorations in Economic History. – 2008. – Vol. 45(3). – Pp. 209-234. DOI: 10.1016/j.eeh.2007.11.002
7. Delhi Sultanate [Электронный ресурс]. URL: <https://history-maps.com/ru/story/Delhi-Sultanate> (дата обращения: 09.10.2024)
8. Donaldson R. Soviet Policy Toward India: Ideology and Strategy (Russian Research Center Studies). – Harvard University Press, 1974.
9. Ferguson N. Empire: How Britain Made the Modern World. – London: Penguin, 2004.
10. Habib I. Economic History Of Medieval India, 1200–1500. – Pearson Education India, 2011.
11. Habib M., Majumdar R.C., Sharma R.C. A Comprehensive History of India: Vol. 5. The Delhi Sultanat: A.D. 1206-1526. – People's Publishing House, 1993.
12. Pacey A., Bray F. Technology in World Civilization, revised and expanded edition: a thousand-year history. – Kindle Edition, 2021.
13. The Global Economy [Электронный ресурс]. URL: www.theglobaleconomy.com/ (дата обращения: 09.10.2024)
14. The World Economy: Historical Statistics / Ed. Angus Maddison. – Paris: OECD, 2003. Pp. 283-284. DOI: 10.1017/S0022050705320109
15. Tomlinson B. R. The New Cambridge History of India. Vol. III.3: The Economy of Modern India, 1860–1970. – New York: Cambridge University Press, 1993.

References

1. Arkhipov V.Ya. Indiya na mirovom rynke uslug [India in the global services market]. Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik, 2008, no. 7, pp. 8-10.
2. Malyarov O.V. Rol gosudarstva v perekhodnoj ekonomike: opyt Indii [The role of the State in the transition economy: the Indian experience]. Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii, 2000. no. 2, pp. 120-135.
3. Agriculture, forestry and fishing. Britannica. Available at: www.britannica.com/place/India/Agriculture-forestry-and-fishing (accessed: 09.10.2024)
4. Asher C.B., Talbot C. India before Europe. Cambridge University Press, 2006. DOI: 10.1017/CBO9780511808586
5. Bairoch P. Economics and world history: myths and paradoxes. The University of Chicago Press, Chicago, 1993.
6. Clingingsmith D., Williamson J. Deindustrialization in 18th and 19th century India: Mughal decline, climate shocks and British industrial ascent. Explorations in Economic History, 2008, vol. 45(3), pp. 209-234. DOI: 10.1016/j.eeh.2007.11.002
7. Delhi Sultanate. Available at: <https://history-maps.com/ru/story/Delhi-Sultanate> (accessed: 09.10.2024)
8. Donaldson R. Soviet Policy Toward India: Ideology and Strategy (Russian Research Center Studies). Harvard University Press, 1974.
9. Ferguson N. Empire: How Britain Made the Modern World. London: Penguin, 2004.
10. Habib I. Economic History Of Medieval India, 1200–1500. Pearson Education India, 2011.
11. Habib M., Majumdar R.C., Sharma R.C. A Comprehensive History of India: Vol. 5. The Delhi Sultanat: A.D. 1206-1526. People's Publishing House, 1993.
12. Pacey A., Bray F. Technology in World Civilization, revised and expanded edition: a thousand-year history. Kindle Edition, 2021.
13. The Global Economy. Available at: www.theglobaleconomy.com/ (accessed: 09.10.2024)

14. The World Economy: Historical Statistics / Ed. Angus Maddison. Paris: OECD, 2003, pp. 283-284. DOI: 10.1017/S0022050705320109
15. Tomlinson B. R. The New Cambridge History of India. Vol. III.3: The Economy of Modern India, 1860–1970. New York: Cambridge University Press, 1993.

© Стрижова Мария Евгеньевна, Стрижова Ирина Викторовна, 2024

НАШИ АВТОРЫ

Агабабаева Нурай Мушфиг кызы – студентка, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия.

Блинов Антон Игоревич – магистрант, Экономический факультет, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Капустина Лариса Михайловна – доктор экон. наук, профессор, заведующая кафедрой Маркетинга и международного менеджмента, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия.

Лебедева Татьяна Эдуардовна – студентка, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия.

Левченко Ксения Романовна – студентка, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия.

Лукман Хаким – PhD (Economic and Business), Университет Себелас Марет УНС, г. Суракарта, Джава Тенга, Индонезия.

Массарова Алёна Рамильевна – ассистент, кафедра Региональной экономики и экономической географии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия.

Неведомская Александра Олеговна – студентка, Экономический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия.

Путра Памунгкас – PhD (Economic and Business), Университет Себелас Марет УНС, г. Суракарта, Джава Тенга, Индонезия.

Сани Абдуллахи Суле – PhD (Economic and Business), Университет образования Саадату-Рими, г. Кано, Нигерия; Университет Себелас Марет УНС, г. Суракарта, Джава Тенга, Индонезия.

Секачева Алла Борисовна – канд. экон. наук, доцент кафедры Мировой экономики, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Стрижова Ирина Викторовна – канд. пед. наук, доцент кафедры Общей психологии, Институт экспериментальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия.

Стрижова Мария Евгеньевна – студентка, факультет Международных отношений, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), г. Москва, Россия.

Тетуко Равидио Путро PhD (Economic and Business), Университет Себелас Марет УНС, г. Суракарта, Джава Тенга, Индонезия.

Яхонтова Полина Игоревна студентка, Экономический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия.
